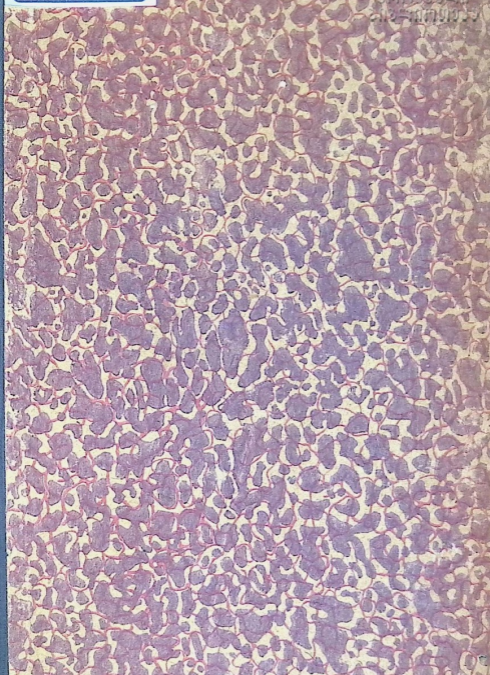

R

171310

3

829.362.1-

Е. С. СТАЛИНСКИЙ

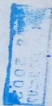
БАРСОВА-КОЖА

ГРУЗИНСКАЯ ПОЭМА

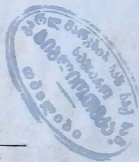
ШОТА РУСТАВЕЛИ

(выпускъ второй)

R 171.310
3

На Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Грузинскомъ
и Армянскомъ языкахъ

Тифлисъ 1888

Типографія Г. В. Чарквіани.

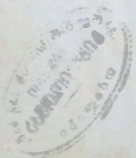
124 см. 21 см. 15 см

821.053.1-13

Дозволено Цензурою Тифлисъ, 29 февраля 1886 г.

Изданіе Гр. Чарквіани,

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА

Крѣпко приступая къ печатанію настоящей книжки „вторымъ изданіемъ“ — съ добавленіемъ новыхъ главъ изъ „Барсовой Кожи“ — считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ читателямъ.

Всѣхъ выпусковъ грузинской поэмы Шота Руставели предположено къ изданію пять.

Въ настоящемъ, по счету второмъ выпускѣ, мы помѣщаемъ, кромѣ портрета Руставели, портретъ Царицы Тамары, воплощенной поэтомъ въ фантастическихъ образахъ; красавицъ его поэмы: Тинатины и Нестанъ-Дареджанъ, красавицъ, какъ-бы олицетворяющихъ собою „идеальные типы“ грузинской женщины стараго „золотаго вѣка“ поэтической Грузіи.

Въ выпускѣ „третьемъ“ мы воспроизведемъ портретъ Давыда-Возобновителя, какъ перваго изъ царей, посылавшаго избранную грузинскую молодежь для полученія образованія заграницу.

349357-4
303-09010

Выпускъ „четвертый“ будетъ украшенъ портретомъ Царя Вахтанга, основавшаго въ Тифлисѣ первую „книгопечатню“ и сплотившаго тѣмъ свою родину съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ.

И, наконецъ, „пятый“, послѣдній выпускъ, — вмѣстѣ съ окончаніемъ поэмы, — вмѣститъ въ себѣ портретъ Георгія XII-го, послѣдняго самодержавнаго Царя Грузіи.

Отмѣчая, такимъ путемъ (въ лицахъ), важнѣйшіе моменты въ культурной жизни грузинскаго народа, — прибавимъ, что поэма „Барсова Кожа“, есть историческая современница русскому „Слову о Полку Игоревѣ“ (объ — двѣнадцатаго вѣка), а потому, ближайшее изученіе произведенія Руставели представляетъ собою несомнѣнный литературно-историческій интересъ.

Первая мысль о переводѣ на русскій языкъ поэмы „Барсова Кожа“ принадлежитъ г. Бардинскому, напечатавшему въ 1846 году, въ газетѣ „Кавказъ“, небольшой отрывокъ изъ „Барсовой Кожи“ — въ формѣ бѣлыхъ стиховъ.

Отрывку этому, г. Бардинскій предпослалъ слѣдующее рифмованное и вполне прочувствованное стихотвореніе, посвященное князю Г. Л. Мингрельскому.

Какъ образцы первыхъ попытокъ, — воспроизводимъ оба стихотворенія:

На родниѣ твоей, среди глухой дубравы,
 Подъ сѣнію развѣснстыхъ вѣтвей,
 Сокрытый отъ лучей, отъ взоровъ и отъ славы,
 Кипитъ гремячій ключъ обильною струей.
 Глубокихъ водъ его таинственныя волны,
 Текуть какъ схимника таинственная рѣчь,
 И въ тѣхъ волнахъ, живыхъ событій полныхъ,
 Отцовъ твоихъ, быть можетъ, ржавитъ мечъ.

Столѣтія прошли,—а таинства святыни
 Еще никто народамъ не раскрылъ,
 И ключъ по прежнему гремитъ въ глухой пустынь,
 И свѣтъ луча къ нему, какъ прежде, не пробилъ.
 Пора, пора сломать печать забвенья,
 И въ глушь вѣковъ промять себѣ слѣды:
 Дай руку мнѣ, питомецъ вдохновенья,
 Пойдемъ къ ключу—испить живой воды!
 Я чувствую вліянье благодати,
 И можетъ быть завѣтную скрижалъ
 Исторгнемъ мы изъ тѣхъ скупыхъ объятій,
 Которымъ прошлаго для будущаго жаль.
 Пора, пора сломать печать забвенья,
 И въ глушь вѣковъ промять себѣ слѣды:
 Дай руку мнѣ товарищъ пѣснопѣнья,
 Идемъ къ ключу—испить живой воды!...

И. Бартодинскій.

341367-4
303-7091010

Сорокъ два года, — почти полстолѣтiя назадъ — г. Барддинскiй, познакомясь съ памятниками грузинской литературы, восклицалъ:

„Пора, пора сломать печать забвенья,
И въ глушь вѣковъ промать себѣ слѣды“...

Вдохновившiйся поэтъ предлагаетъ при этомъ своему товарищу по музѣ, кн. Мингрельскому, принять горячее участiе въ его литературныхъ трудахъ, говоря:

„Дай руку мнѣ товарищъ пѣснопѣвца,
Идемъ къ ключу — испить живой воды!“

Волшебная струя руставелевской поэзиі въ одинаковой мѣрѣ вдохновляла двухъ друзей, задумавшихъ передать на языкъ нашей „сѣверной печати“ красоты „южной поэмы,“ фантастически набросанной талантливымъ перомъ пѣвца великолѣпной Тамары...

Но, къ сожалѣнiю, мы нашли покуда только лишь одинъ печатный отрывокъ перевода г.г. Барддинскаго и Мингрельскаго, такъ какъ, судя по приведенному выше стихотворенiю, переводъ составленъ взаимно.

Точно такой-же переводъ и этой-же главы „Барсовой Кожи,“ съ весьма небольшими измѣненiями, помещенъ и въ грузинской христоматiи г. Чубинова (отъ строфы 52 по стр. 67).

Вотъ текстъ г.г. Барддинскаго и Мингрельскаго:

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

„БАРСОВА КОЖА“

(вольный переводъ—въ прозѣ Бартдинскаго).

ТАРІЕЛЪ.

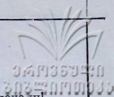
Аравійскій Царь Ростеванъ, утомленный облавною охотой, отдыхаетъ подъ деревомъ, посреди своихъ войскъ и свиты. Двѣнадцать тѣлохранителей царскихъ недалеко стоятъ и смотрятъ на другой берегъ рѣки.

Смотрятъ... А юноша дивный сидитъ у потока и плачетъ,
Покоясь какъ левъ; въ поводу онъ держитъ коня вороного.
Оружье, сѣдло и приборъ разубраны жемчугомъ пышно...
Плачь сердца слезами тоски обвинѣвилъ свѣжую розу.
Могучіе члены красавца окинуты кожею барса,
И барсовой кожей покрыто чело молодого героя.
Съ нимъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Голиафа.
Узрѣли,—и взоровъ отвести не могли, удивляясь видѣнью!
И воинъ пошелъ отъ царя звать юношу полнаго скорби,
Повицкаго блѣднымъ челомъ, съ очами безъ жизни и взора,
Бѣ нихъ слезы дождили кристалы изъ жолобовъ чернаго
шерла. *)

*) У г. Чубинова,—это поэтическое сравненіе—передано такъ:

„Слезы хрустальнымъ дождемъ каплютъ съ небеновыхъ шер-
ловъ“.

Увидя то, рабъ онѣмѣль,—не до рѣчей ему стало!
 Проникнутый чувствомъ, онъ сталь, не осмѣлясь начать
 къ нему рѣчи.
 И долго глядѣль съ изумленьемъ, стараясь скрѣпить свое
 сердце.
 Потомъ, подойдя осторожно, донесъ ему царскую волю...
 Но юноша, плача не внемлетъ; онъ чуждъ впечатленію
 жизни.
 Тутъ море тоски, онъ не можетъ слышать посланника
 рѣчи,
 Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, рассыпанныхъ вдоль по-
 зарѣчью.
 Непостижимо рыдало то сердце упавшее въ пламя,
 Плачь съ кровью прохлынывалъ въ очи, какъ волны
 сквозь щели преграды!
 Далеко леталъ онъ душой подъ мрачнымъ вліаньемъ думы,
 Напрасно смущенный посоль повторилъ ему волю вла-
 дыки:
 Онъ его вновь не услышалъ, слезъ и тоски не покинулъ
 И усть не раскрылъ, этихъ усть, подобныхъ младенчеству
 розы.
 Когда онъ оставилъ посла безъ отвѣта—посоль воротился,
 И такъ Ростевану донесъ: говорилъ, но онъ слышать не
 можетъ.
 Померкли глаза мои, будто отъ солнца, а сердце печально:
 Не могъ я дозваться его, затѣмъ и промѣшкаль такъ
 долго.
 Прогнѣвался царь оскорбленный, вскипѣло въ немъ серд-
 це обидой,
 Двѣнадцать стражей позвалъ, стоявшихъ при немъ безо-
 тлучно,
 И отдалъ такой имъ приказъ: „возьмите оружие для боя,
 Идите привести мнѣ сюда того, кто сидитъ у потока!“
 И войны быстро пошли, послышался звукъ отъ оружіи...

Очнулся тогда только онъ, полный и слезъ и печали!
Окинувъ глазами, вездѣ увидѣлъ идущихъ онъ стражей,—
И тяжело, тяжело вздохнулъ, но въ встрѣчу имъ слова не
молвилъ.

Руку лишь поднялъ къ очамъ, слезы горячія выжалъ,
Поправилъ оружье; потомъ ободрилъ мускулистыя руки,
Сѣлъ на коня и поѣхалъ сторонкой, не бросивъ на стражу
Ни взора, вниманія—царю, не вылечивъ сердца въ недугъ.
Но войны руки простерли, чтобы взять молодаго упрянца;—
Горе, что съ ними сбылось, то видѣть врагу было бѣ
жалко.

Онъ билъ другъ—о—друга ихъ всѣхъ,—для помощи не
было мига,—

Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самыя груди.
Безъ мѣры прогибался царь, „за нимъ“.. онъ скомандо-
валъ войску.

А юноша такъ же безпечень, покамѣсть его не нагнали;
Но тѣхъ, кто его настигалъ, онъ впрахъ превращалъ и,
могучій,

Людьми въ людей металъ и тѣмъ унижалъ Ростевана.
Возсѣлъ государь съ Автандиломъ на быстрыхъ коней и
погнались,

А юноша гордъ и безпечень, ѣдетъ да зыблется станомъ;
Конь его движется тише, чѣмъ лучъ, разостлавшійся въ
полѣ,

Но чувствуетъ всадникъ: за нимъ звучно несется погоня...
Увидя ужъ близко царя, стегнулъ кнутомъ свою лошадь,
И мигомъ отъ взоровъ исчезъ, какъ духъ. И похоже то
было,

Что онъ или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ провалился
сквозь землю...

Искали слѣдовъ,—не нашли и слѣда, забытаго въ полѣ!

Затѣмъ, около тридцати лѣтъ назадъ—въ 60-хъ годахъ,— поэма „Барсова Кожа“ нашла себѣ талантливаго переводчика въ лицѣ доктора Бастамова, переложившаго произведение Руставели на армянскій языкъ—въ нарѣчїи, именуемомъ „Тифлисскій Апхарабаръ.“

Покойный докторъ, получившій какъ извѣстно, весьма солидное общеевропейское образованіе, тѣмъ не менѣе, весьма тщательно занимался изученіемъ мѣстныхъ закавказскихъ нарѣчій, результатомъ чего явился вполне удачный и эффектный „переводъ,“ составляющій по отзывамъ знатоковъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу мѣстную литературу.

Благодаря счастливому случаю, мы имѣемъ вполне точный списокъ съ рукописи доктора, вслѣдствіе чего и отводимъ ему почетное мѣсто въ книгѣ, гдѣ въ интересахъ сравненія помѣщаются также тексты перевода поэмы на языкахъ: русскомъ, французскомъ и въ подлинникѣ—грузинскомъ.

Несомнѣнно, что въ недалекомъ будущемъ „Барсова Кожа“, какъ произведеніе выдающееся и оригинальное, сдѣлается достояніемъ всѣхъ литературъ Европы, а потому, смѣемъ надѣяться, что и настоящій разнохарактерный нашъ „сборникъ“ принесетъ свою долю пользы, облегчивъ доступъ къ поэмѣ для будущихъ ея переводчиковъ.

СЪ ПОРТРЕТАМИ ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ И РУСТАВЕЛИ.

Отъ переводчика. Два стихотвореніе г. Бардинскаго. Армянскій переводъ Д-ра Бастамова. Нѣмецкій переводъ А. Лейста. Французскій переводъ А. Борена. Грузинскій оригиналь. Краткій обзоръ старо-грузинской литературы Жизнь и правы Грузинъ „золотога вѣка.“ Барсова Кожа: Введеніе. Венчаніе на Царства и Царская Охота—переводъ Е. С. Сталинскаго.

ԸՆՁՈՒ ՄՈՐԹԻ ՀԱԳԱԾ ՄԱՐԴ

ՇՈՏԱ ՐՈՒՍՏԱՎԵԼԻ

Թարգմանութիւն վրացերէնից

ԲՃԵԿԱՊԵՏ ԲԱՍՏԱՄԵԱՆՑ

ՌՈՒՍՏԱՎԵԼԻ

«ԸՆՁՈՒ ՄՈՐԹԻ ՀԱԳԱԾ ՄԱՐԴ»:

Արքայտան Ռոստեվանը թագաւոր էր շատ բաղաւոր, Արդարադատ, խոնարհ, առատ ու չափիցը դուս փառաւոր. Ինչքան ասես, ունէր ճորտեր, զոշումը խօ հէսաբից դուս, Հալալ մալալ ամէն մարդու գանգատանքն ականջ կօնէր. Գոված էր իրա վարուելով, ողորմած ու ամէնի հէր, Պստիկ, մեծի նեղութիւնը՝ սիրտ ցաւելով կու փարատէր: Կռուի մէջը անօրինակ թշնամու հետ կռիւ կօնէր, Սիրտ զոշումին տալու համա ճարտար լեզու կու բանեցնէր. Աստուած նրան տղայ չէրիտ, աղջիկ ունէր ճար ու մագաթ, Լուս էր թափուում նրա գէմքից արեգակի հետ համեմատ. Ով մէ անգամ մտիկ կօնէր նրա երեսին լուսաթաթախ, Համ սիրտ, հոգի, համ էլ խելքը կու կորցնէր ականթօթափ: Նրա անունը Թինաթին է, թէ չիմանանք կուլի նահախ, Կամաց, կամաց մեծանալով՝ բոյի արաւ ջանաթաթախ. Արեգակը որ վեր առնէք, մեծ սրտանի երբ գնում է, Թինաթինի հետ ռաստ գալիս՝ սուս ու վուսով թախկենում է, Ռոստեվանը հրաման երիտ իշխաններին, որ գան բազմին, Մեծ մարդութիւն ծանդը ու թեթեւ, սագ էր գալի նրա գէմին: Երբ հրամայեց իր մօտ էսպէս նստիլ խելօք մարդիկներին, Թագաւորն խօսք բաց արաւ, բազմողները ականջ արին.

«Թէ բաց արած վարդ չմշկի», թագաւորը ասաւ Էսպէս,
 «Մէկը կերթալ, մէկը կուգայ, նազ անելով առջնի պէս.
 «Արեգակը մէր կու մտնի, նրա տեղ դիշեր կու տիրանայ,
 «Ամա լուսին թէ դուս չգայ, դիփ աշխարհքը կու սևանայ:
 «Անց ին կացի իմ տարիքը, ծերութենով հիւանդ եմ ես,
 «Ծերութիւնը ծանդը ցաւ է, էլ ինչ ասեմ, յալտնի է ձեզ.
 «Էսօր չըլի, էքուց ըլի, մահն օրերս կըգողանայ,
 «Ո՛ր ադամորդի աշխարհքումը մնացել է կամ կու մնայ
 «Էն լուսին ես լուս չիմ ասի, նրանից իժուամ թէ խաւար կայ,
 «Էնպէս խաւար դժոխային, որ էլ լուսուն տեղի չի տայ:
 «Հիմիկս և եթ իմ աղջիկը, արի շինենք մեզ թագաւոր,
 «Մէ տեղ որ նա պատահում է, արեգակն էլ չէ հարկաւոր»:
 «— Էտ մի ասի, թագաւոր մեր», իշխանները ջուղաբ արին,
 «Էդ ի՞նչ խօսք էր քու բերնիցը, որ դուս եկաւ, թէ դաւար ծեր.
 «Թէ գուզ որ վարդը չմշկի, էն՝ երկնաւորն մեզ համա տուրս,
 «Նրան չիշելով՝ մայելում ենք, երբ գալիս է մտններուս:
 «Բաց է անում մարդու սիրտը, նրա տեսքը եղեմական,
 «Հոգին էշխով հարբեցնում է, նրա հոտը անմահական.
 «Ինչքան աստղը ըլի փայլում երկնքումը պեծալը ծալիս,
 «Լուսնի հետ վճնց կու կռուի, թէգուզ սրա խաւարելիս:
 «Ձէ թագաւոր, էդ մի ասի, մեր վարդը դեռ չէ չմշկած,
 «Քու վատխորհուրդ ուրիշ լաւին մեզ համա է միշտ գերազանց.
 «Որովհետեւ սրտիդ իղձը էլի էլիլ է էդ թաւուր,
 «Ի՞նչ խօսք ունինք, քու աղջիկը պիտի ըլի մեր թագաւոր:
 «Արի նրան տո՛ւ էդ քու թագը, ի՞նչ անենք որ աղջիկ է նա,
 «Մեղ պէս նա էլ նմանութիւն Աստուածային պատկերանայ.
 «Նա շնորհք ունէ թագաւորել, շատ գամ մեր մէջ խօսել ենք էս,
 «Սիրուն գէմքը, անոյշ վարքը, որ նա ունէ, ասում են մեզ:
 «Ասլութիւնը մեծ խորհուրդ է, երբ առիւծից ծնում է ձագ,
 «Թէ էդ է նա, կամ թէ արու, չեն նընդնի նրանք մէկ մէկու տակ»:

Ավթանդիլն էր զօրագլուխ, որդի Ամիր Սպասալարի,
 Լուսնի նման արևի պէս, զամիշի էր բօյի արի-
 Թշերու վրայ միրուքի տեղ, խաւսն էն էն է բուսնուիլ էր-
 Խելք ու միտքը ինչպէս ծերի, շուշի նման պարզուիլ էր-
 Թինաթինն էր գեղեցկագէմ, արտեանունքն բազայի տիպ-
 Ավթանդիլը նրա էշխիցը, կէս ադմորդի դառել էր դիփ-
 Սրա սրտումը սէրի էշխը թագուն թագուն եփ էր գալիս,
 Սիրեկանին ուշ որ տեսնէր, վարդ էր դառնում չմշկալիս:
 Ամէն գամ որ Հանդիպում էր Ավթանդիլը Թինաթինին,
 Սիրոյ կրակը բլբլալով, նորոգում էր վէրքը եարին.
 Ողորմելի է էն մարդը, ինչպէս որ էր Ավթանդիլը,
 Թէ սիրեց նա, հծար չկայ, կու կտրուի նրա թիւը:

Թինաթինի թագ կապիլը

Ավթանդիլը երբ որ լսից,
 Շատ դիւր էկաւ, չէր իմանում,
 Թէ ինչ անէ խնդութենից:

Ավթանդիլը էս էր դարսում՝

«Լաւ է գնում բանս էս գամ,
 «Նա թագուհի դառաւ թէ չէ,
 «Չուստ, չուստ նրան ես ուստ կուգամ»:

«Կարելի է էստով էլէ

«Մէ դեղ գլխիմ հալումաշիս,
 «Էլ ինչ գուզիմ աշխարհքեմէն,
 «Երբ կու տեսնիմ ես իմ ուաշիս»:

Արաբստան հրամանք երիտ

Մեծ թագաւորն արարների,
 Թէ. «Թագուհի Թինաթինը
 «Պիտի ըլի ամէնների»:

«Ինչպէս արև լուս նրամէն

«Թափուի ձեր վրայ իմ զաւակներ»,
 «Եկէք, տեսէք ինչքան որ կաք
 «Արաբստան խաղ հանողներ»:

Եկան դիփուն արաբները
 Ձօրք ու գէնքն էլ իրա սարքին,
 Աստղի կտոր Ավթանդիլը
 Գլուխ էր նշնած զօրաց կարգին:

Հաւատարիմ ծառայն Սոկրատ
 էր արքայի աւան, չաւան,
 Սա էնպէս թախտ հազիր արաւ,
 Որ աշխարհքը էլաւ հաւան:

Խնդածիծաղ Ռոստեվանը
 Իր աղջիկը բերաւ էնդի,
 Նստեցրուց ու իր ձեռովը
 Թագը գլխին նրա էդի:

Արքայական գաւազանը
 Հէրն աղջկայ ձեռն էր տալի,
 Ծիրանի շոր փափուկ ուսին
 Շատ արմաղան սազ էր գալի:

Նոր թագուհին դիփունի վրայ
 Աչք էր գցում, ինչպէս արև,
 Նրա նազանի շուռն ու մուռը
 Իմաստութեան էին բարև:

Թագաւորն ու իրա զօրքը
 Հիդ կանգնելով գլուխ վեր բերին,
 Օրհնանքով ու նստեցնելով
 Թախտի վրայ պատիւ արին:

Գհօլն ածին, ծնծղաները
 Անուշ օւ քաղցր ձէն են տալի,
 Բայց աղջիկը լաց է ըլում
 Թուխ մազերը ժաժ են գալի:

Իր գլուխը չէր արժանացնում,
 Որ հօրական թախտն ունենայ,
 Արտասուկքով, որ թափում էր,
 Մէ վարդանոց կու ջրէր նա:

Թագաւորը Թինաթինին
 Խրատի համա ասաւ էսպէս.

«Ամէն ծնող դիպալ զաւակ
 «Հոգս է քաշում, ինչպէս որ ես:
 «Մինչև որ ես թագը գլխիդ
 «Կու տեսնէի, ինչպէս որ կաս,
 «Հալումաշած սրտիս մէջը
 «Կրակ էր վառում, կրակ անպակաս:
 «Մի լաց ըլի, ինչ որ ասեմ,
 «Լսէ, իմ դուտոր, հալւորիս,
 «Յօրէս 'ի դէն ըաբների
 «Դուն թագուհի պիտի ըլիս:
 Իշխանութիւն Արաբստան
 Էնդու համա տուել եմ քեզ,
 «Որ հեզութեամբ, խոնարհութեամբ
 «Տէրութիւնդ փառաւորես:
 «Վարդն ու հողը մէ օրինակ
 «Արևով են ճառագայթած,
 «Դուն էլ նրա պէս փոքր ու մեծին
 «Պիտի ըլիս միշտ ողորմած:
 «Ողորմածը ձեռն ու ոտը
 «Վեր թողածի կ'օնէ կապած,
 «Հաւատարիմ մարդ որ ունիս
 «Նա կապած է ու կապկապած:
 «Պիտի ըլիս դու ձեռնաբաց.
 «Քեզ օրինակ ծովը անտակ,
 «Նա էլ ունէ դիվիր, դեվեր
 «Տալղաներով իր կապուտակ:
 «Առատաձեռն արքայի սիրտ
 «Է էն չինարն զուարթագէմ,
 «Որի սիրուն կանանչելով
 «Պարծենում է դրախտը եղեմ:
 «Բաշխիչներով ամէն մարդու
 «Կանամ ես որ աչքը կարիմ,
 «Էն մարդունն էլ, որ չէ էլի
 «Ու չի ըլի հաւատարիմ:

«Ուտելիք ու խմելիքներ
 «Ստեղծուած են, որ անուշ անենք.
 «Չէ յարգւոր մեծ մարդերուս,
 «Թէ ուրիշին կու խնայենք:

«Ինչ որ կու տաս, լսէ դու ինձ,
 «Էն ջիբումս, ասան, ունիմ,
 «Ինչ որ չիս տա, էն է հորած,
 «Որքան գուզիս պահէ զայիմ»:

Հօր խրատիցն աղջիկն ուշիմ
 Չէր ուզում, որ մնայ անկիրթ,
 Էն հալէսով լսում էր նրան,
 Ինչպէս որ քու ուզած աշկիրտ:

Ռոստեմանը կամք է տուի,
 Խաղ ասելով, խմել գինի,
 Գինի անուշ, որի նմանը
 Չի կանայ մարդ հիմի շինի:

Թինաթինը արեգակին
 Փտնում էր ու ճող էր գալի,
 Արեգակը կտորավում էր,
 Թէ թագուհու ըլի հալի:

Ասաւ սա իր մեծացնողին,
 «Ծառայ բարի. զորթ որ դուն իս.
 «Բի ու ինձ տո՛ւ գանձ ու զարդեր,
 «Որ քու մհրով պահած ունիս»:

Ասաւ: Էբի: Շարմաղ ձեռով
 Բաշխիչ առատ դուս էր տալի,
 Թինաթինի արարմունքը
 Ռոստեմանին դուր էր գալի:

Ինչ պատկուց մօտ էր արի
 Էն օրն Լէթ ցանուցրից,
 Բաշխիչներով անհատնելի
 Մեծ ու պատիկ ուրախացրից:

Իժում ասաւ. «Իմ Հօր խրատը
 «Ինչո՞վ պիտի, որ ես պահիմ,

«Թէ չէ կնդով, որ դիփ խալխի
 «Բախշիչներով սիրաբ շահիմ:

«Ինչ որ իմն է, մի թագցնէք
 «Ամէնն, ամէնն պիտի ինձ տաք.
 «Էն զարդերն էլ բաշխելու եմ,
 «Որ պահած են կողպքի տակ:

«Ձօգերումը ձի կայ թէ էշ,
 «Ախոռապան, քէ գէսը»:
 Զիաներու դօփ ու դմփից
 Գղղղում էր քաղքի կէսը:
 «Ձեզ իմ տուի ձիաները»:

Էսպէս հրաման դշխոյն արաւ.
 Զիաներու քաշքշելը
 Խալխի համա մէ վէճ դառաւ:

Գրփում էին արքայական
 Քանձեր ինչպէս թուրքի աւար
 Շտապողների օտի թողից
 Դիփ քաղաքին պատից խաւար:

Ախոռի մէջ ձի ջմնաց,
 Արաբու ձի, կրակոտ ու գէր,
 Ձի եմ ասում, սանդր ու կօկած,
 Որ չէր արի իր համա տէր:

Քանձ ու զարդի թիւն ու չափօր,
 Եթէ գուզիս որ գիտենաս,
 Զու՛ն վերեմէն բքից բերած
 Քեզ օրինակ կու սիտենաս:

Թինաթինի բաշխիչներին
 Կուլի նման մէնակ սելաւ,
 Աղջիկ, տղին, դիփու՛նանցին
 Շատ բաւական հէրիք էլաւ:

Ո՞վ է տեսի, ո՞վ է լսի,
 Ինչ թագուհին էն օր արաւ,
 Կառուի մարդն էլ աչքածակ է,
 Ել ծիղ չէթող, որ չտարաւ:

Մէ օր թամամ ուտելիքներ
Անուշ արին սուփրի բոլոր,
Հագարփէշէն ձեռնէ ձեռը
Ման էր գալի օլոր, օլոր:

Երբ միամիտ բազմականը
Մտաւ ծովը խնդութենի,
Ռոստեվանի ճակտի վրայ
Մէ ամպ իջաւ տխրութենի:

Սուփրի բոլոր նստողները
Իրանց մէջը զրուց արին,
Թէ՛ թնչ էլաւ, թնչ ուստ էկաւ
Մեր հալևոր թագաւորին:

Առջի տեղը ո՞վ է նստած,
Մտիկ արէք նրա հալուն.
Ավթանդիլն է սպարապետը,
Դիփունանցմէն էրնէկ տալուն:

Ով որ տեսնէր նրա բօյին,
Կօխտայ, կօխտայ ժաժումաժը,
Կօսէր, թէ նրան կու նմանին
Ինձ ու առիւծ թաւաբաշը:

Սա ու Սոկրատ հալևորը
Նստած գոլով իրանց հանգին,
Մտմտացին. «էն թնչ ցաւ էր,
«Որ արշայի դիպաւ ուանդին:

«Նրա գլխումը, ասես, չասես,
«Անց է կացի մէ չար իմքին,
«Որովհետեւ նրա առջևը
«Չէ մեղապարտ իսկի ոմքին:

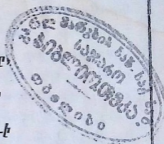
«Սոկրատ», ասաւ Ավթանդիլը,
«Արքայն արաւ մեզ մեծ զարար,
«Էնդուր որ մեր էս լազաթին
«Ուզեց ըլիլ խափանարար:

«Արի՛, մենք էլ ջուրաթ անինք,
«Նրա հիգ անիլ հանաք, մանաք,

«Կուլի բանի զօրութիւնը
 «Ուստութենով կու իմանանք»:
 Պեր է կենում Սոկրատէսը,
 Ալթանգիւն էլ նրա հիդ մէտի,
 Ով տեսնում էր, արմնում էր
 Սիրուն բօյուն սպարապետի:
 Երկունսն ևէթ ձեռին թասեր
 Գինով լիքը պէծպծալի,
 Շատ յարգեւոր արարմունքով
 Ռոստեմիանին մօտ են գալի:
 Թագաւորի դէմուդէմը
 Ծնգան վրայ չոք են տալի,
 Սոկրատէսի լեզուի ծէրը
 Էս է վիթում գչգչալի.

— «Ունքերդ, արքայ, կապած ունիս,

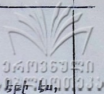
«Էլ երեսիդ ծիծաղ չկայ,
 «Թռաւ, փռաւ ինչ ունէիր,
 «Ինչ ունէիր էլ հիդ չիդայ:
 «Բու աղջկան ինչ որ տուիր,
 «Ձուր ու քամին էկան տարան,
 «Էդ ինչ բան էր, որ քեզ համա
 «Ձօռով արիւր ցաւ ու վարան:
 «Ինչ կուէր, որ չէիր տուի
 «Թինաթինին թագիդ պէծը
 «Ու տան մէջդ չէիր դցի
 «Էդ անդրձակ կրակ ու կէծը»:

Երբ որ պրծաւ Սոկրատէսը իր հանաքը, ինչպէս ասի,
 Ռոստեմիանը զմշտուեցաւ էս անմրդի բանի մասի,
 Մէ պտտի վախտ Ղըրածի պէս մտիկ էրիտ նախարարին,
 Արմնում էր, թէ անց նրան էն հանաքը լայեղ արին:
 «Ձեր խօշտաբը», ասաւ իժում, «ինձ, խօսք չկայ, դուր է գալի,
 «Շնորհակալ եմ. ամա ես էլ ձեզ պատասխանն էս եմ տալի:
 «Ով իմ մասի սուտ խօսեցաւ, թէ ձեռք խուփ մարդ եմ էլի,
 «Նրան կօսիմ ես երեսին, որ նամադուլ արաւ խէլի.

«Ձէ, աչքիս լուս, վրայ չընընգար, էդ բեռը ես հիշտ կու տանիմ,
 «Ամա մէ ցաւ սիրտս է ընդի ու չիմ գիտի, թէ ինչ անիմ:
 «Խայտեցի ինչպէս մէ ձու իմ արմաղան զարնան օրեր,
 «Ծերու թիւնը սրտիս մէջը բուն է արի, ինչպէս մի վէր.
 «Մէրէ ի ծէր Արարտան, ինչ որ հիմի կայ իմ ճանգը,
 «Էլ մարդ չկայ, որ գիղենայ կուի տալու կարգ ու հանգը.
 «Ազիզ, մազիզ մինձացրիլ եմ մէ հատ աղջիկ դօշիս կպած,
 «Աստուած չէրիտ տղայ զաւակ, կուչ եմ էկի սիրտս խփած:
 «Ո՛հ, ինչ կուլէր, որ լուսննգնէր էնպէս տղամարդ երբեմնապէս,
 «Որ գիղենէր բանեցնելը նետուանեղի, ինչպէս որ ես:
 «Թէ էլի կայ տղամարդու թիւն Ավթանդիլի շլերի մէջ,
 «Նրան էլ ես նմ, որ մինձացրի, չի ուրանայ նա էլ էս հէջ»:
 Ավթանդիլը թագաւորին ահանջ էդի հանդարտ ու հեզ,
 Գլուխը կռեց, զմջտուեցաւ, զմջտուիլն էր պարծանքի պէս:
 Էս ծիծաղը շատ սազ էկաւ Ավթանդիլի նշխած դէմքին,
 Մարգարտաշար ահաւքներից լուս կաթեցաւ տան ու շէմքին.
 «Ինչի՞ էդպէս ծիծաղեցար», ասաւ արքայն սպարապետին,
 «Կուլի՞ ինձմէն ամանչուսես, որ նայում ես դէպի գեղին.
 «Ինչի՞, խայէն, ծիծաղդ էկաւ, մի՞թէ իսկի չիմ իմանա.»
 Զուղարն էրիտ Ավթանդիլը.— «Կօսիմ, թէ դուն չիս նեղանա.
 «Հրաման տու ինձ, ինչ արդ անիմ սրտիդ իսկի չիս դիբցնի,
 «Թէ քի լայիդ խօսք էլ չասիմ, իմ սպտիւր չիս կորցնի:
 — «Մի՞թէ, էլի, պատահիլ է, որ Չըրուէլ էլիլ ըլիմ,
 «Աստուած օրին չհասցնէ, որ ես քու վրայ աչքս շլիմ.
 «Թինաթինի արևն եմ ես օրթում ուտում, Թինաթինի՛,
 «Ումի նման չուզեց Աստուած, որ գեղեցիկ իմքին շինի»:
 Ռոստեմանի խոստմունքերը Ավթանդիլին ջուրաթ բերին,
 Բերանիցը դուս թափուեցան, ինչ որ ունէր լեզուի ծէրին.
 «Մի՛ պարծենա ուստութենով նետ գցելու, ուր որ կամիս,
 «Կամաց, կամաց ճկճկալը շատ լաւ կուլի, թէ որ կամիս,

«Ինչպէս որ դուն նեա կու գցիս,» — Ավթանդիլը վրայ էր բռնում,
 «Մարդ չի կանա. ամա էլի գրադ պիտի գամ քու հիդը ես.
 «Ղոշումեմէդ ջոկէ մարդիկ. որ գան մեր հիդ, ըլին վկայ,
 «Գրադի համա մէ բան նշնէ, քեղ, թաղաւոր, ինչ դուր կուգայ,
 «Ով որ միգմէն լաւ նեա գցէ, թող պարծենայ նա իր տանը,
 «Մեր էս վէճի կտրողները ըլին բուրթին ու մէկդանը»:
 Արքայն տխուր էս ասելով՝ ուրախացաւ չափեմէն դուս,
 Կիսածիճաղ ասաւ էսպէս Ավթանդիլի երեսին դուդ.
 «Քիզ որդու պէս մինձացրեցի, դուն էլ էնդուր արիր էրէս,
 «Գիդէիք, որ չիմ ջգրուի, թէեւ շատ վաղ թուար վրէս:
 «Ինչ որ ասիր ու փքուեցար, թէ դուն դործով չկատարես,
 «Վախենում եմ, ամօթ կուլի, երբ կիմանաս, որ վատթար ես.
 «Խոստովնում եմ, չիմ ջգրուի, թէգուդ քիչ, միչ անիս չարիր.
 «Ամա իսալիս աչքի առջև ինձ գցեցիր լօնդի քարիր:
 «Թէ հիդ կանգնիս, ես էլ կօսիմ, որ էլիլ ես քամի—քշան,
 «Պարծենալնու հիդ կանգնիլը վախաւորութեան կուլին նշան:
 — «Չէ՞, թաղաւոր, էդ չիմ անի,» — Ավթանդիլը խօսքը բերաւ,
 «Հիդ չիմ կանգնի, ինչլի ասիս. «մինձացրածս չկայ. մեռաւ»:
 «Էգուցէ Լեթ դեռ ծտերը չին սարքի իրանց ծռուան,
 «Ավթանդիլդ նետուանեղով կու ցից ըլի քու տան դռան:
 «Դուն էլ, արքայ, հիդ չկանգնիս քու խօսքեմէն, լաւ էր թէ վատ,
 «Գնանք, գցենք նետուանեղից, վկէք վեր առ արժանաւատ:
 «Ով որ միգմէն, երկուսիսմէն, լաւ նեա գցէ, իրա հանգին,
 «Թող ծափ տալով, վկէք նրան արժանացնին գովասանքինն»
 Ասածներին, դարսածներին հաւան էլաւ թէ սա, թէ նա,
 Խնդմնդացին, վաղվղեցան երեխի պէս դիվ միանայ.
 Մէկմէկեմէն ջան լսեցին, ջան էլ ասին մէկգմէկուն,
 Հողէհողի պատիւ տալը չսլակսեցաւ ամէն մէկուն:
 Գրազն էլ էս էր. ո՞վ իրանցմէն քիչ ու միչով վատ նեա գցէ,
 Նա երեք օր անդտակ ըլի, երկուսեմէն ով և իցէ:

«Տասերկու մարդ ձիուն հեծած պիտի տանիմ միդ հիդ ծեղկիս»
 «Որ ծառայեն, ձեռնէ ձեռը նետ հասցնեն մէնակ մէկիս»
 «Էս մարդիքը, ասաւ արքայն, «Էնդու համա պէտք կուլին միդ»
 «Որ սպանածի ու խփածի հետաքը տան ինձ էլ ու քիդ»
 «Ամա սաստիկ հրաման կուտամ, որ սուտ չասեն խաթրի համա՝
 «Գէս ու դէնը չձուձուռին թէ ակամայ և թէ կամայ»
 «Գուն էլ պիտիս քիդ հիդ բերի Շարմանգինդ համ սուր,
 Համ չուստ»

«Իմ տասերկու բերածներից մէկն էլ նրան չի ըլի լուստ»:
 Որսորդներին հրաման էրիտ, որ սար ու ձոր պտուտ գային,
 Ինչքան կանան գիփ որսերուն գիրա իրանց քշել տային.
 Զօրքը գէնքով պիտէր որ գայ, զօրքը փայլուն, ինչպէս արև,
 Ուտել, խմել պըծան թէ չէ, արքայն ասաց. «մնաց բարև»:

Նոր էր ծէգում առաւօտը
 Հիդ քաշելով մթան թաղիք,
 Թագաւորի տան առջևը
 Բուսնուեցաւ Շուշանն ծաղիկ:
 Հագին ունէր շուր ծիրանի,
 Գէմքն էր ետդութ մինաքարած,
 Նիտուանիզը սազ էր գալի
 Գլխու շալն էր ոսկեկարած:
 Նրա սպիտակ ձին խրխնջալով
 Փորփրում էր նալով գեղին,
 Ռստեղանուն միտն էր գցում
 Թէ հասիլ է վախտը լեղին:
 Թագաւորը ձիուն հեծաւ...
 Յիդ մնացին շէնն ու գեղեր
 Բոլորիշուր տափը տնդղեց
 Հալով կապեց հուրսու տեղեր:
 Խալխն էլ էկաւ մէկմէկու վրայ,
 Հաւաքուեցաւ ինչպէս կարկուտ,
 Եարաբ էնքան մարդկանց մէջը
 Կուզթնուէր մէ մարդ դարդուտ:
 Միկայ տալն ու շըշըխուցը
 Բղաւեցրին սար, դաշտն ու մերին

Հուրսուրդներու անցն ու դարձը
էն տափն արին տակն ու վերին:

Ամէն բանը կարգի ննգաւ,
էկաւ, հասաւ հուրսու հերթը.

Կոտորուքս ու զրազի դէիք
Չխչխկում էր սիրտն ու լիւթը:

Իր տասերկու ծառաներուն
Քաղաւորը հրաման էրիտ.

«Իմ սլլան նիտենիըը

«Պատրաստ պահէք ձեռներիդ:

«Ուր որ գնամ, իսկի ինձմէն

«Մէ թիզ էլէ չը լիդ մնաք.

«Երբ որ ուզիմ, քաւ լիցի թէ

«Նիտ հասցնելուն ընդիմանաք:»

Կցից հուրսու գալն ու փախը....

Նրանց հէտաբը ով էր պահում.

Նիտեներու սուսուցը

Պատրաստումէր թիքէն մահուն:

Դաստա, դաստա դուս թափեցան

Դրսի էշը էճն ու ջէյրան.....

Մթթէ կանա մէմէկ, մէմէկ

Անասներին համբըիլ բերան:

Ռոստեվանն ու Ավթանդիլը

Գաղաններու վրա գնացին.

Խալխն էլ էկաւ, որ իմանայ,

Թէ շառն ու խէրն սւմ մնացին:

Նիտուանեղներն սուսալսվ

Մահ են զրգում գաղաններուն.

Գցողներն էլ ուժ են տալի

Իրանց զօքբայ ձեռներուն:

Կոտորուքսն ու շունթուցը

Սրեն դունով տափն են ներկում,

Երբ հատնում են նիտենիըը

Հասցնելում են իրա ջերքում:

Դիրաւ թէ չէ նիտն անասնուն,
 Զսխկում էր թաւալ գլուր.
 Մէ ոտնափուխ չէր անցկենում
 Մխկտումէր արուր ծլուր:
 Զիաներու ոտու փոշին
 Վեր էր ըլում ինչպէս որ մուխ,
 Արեգակի պէճն ու շուղքը
 Մթնեցնում էր ամբի պէս թուխ:
 Հուրսուրդները ծէրէ ի ծէր
 Տափն անցկացան գիփ չափէ չափ.
 Անասներու լաշերու վրա
 Քրտինքն էկաւ ինչպէս որ քափ:
 Կոտորեցին ու խժռեցին
 Քաղաններին, չարն էր թէ լաւ.
 Իրանց վրա հազի շուրը
 Ալ արնեմէն ռսուալ էլաւ:
 Էստի նրանցմէն գիփ գեգինը
 Արեն շթով կարմրեցաւ.
 Երգն քումն էլ նրանց վրա
 Հայրն երկնաւոր ջգրուեցաւ:
 Քաղանները հոգեվարքի
 Մէկմէկու վրա էին ննգած.
 Ավթանդիլը, կօսէիր թէ
 Դրախտու մէջն է չինար տնգած:
 Տափն անցկացան. ջուրն էր վազում
 Զրի գէնը էր մէ մէրի,
 Էն մէրու մէջ գաղանները
 Տուն թափեցան, հասան խէրի:
 Զիաները կանգնոտեցան,
 Հուրսու վերջն էլ արաւ շուին,
 Հուրսուրդները տղամարդք էին.
 Նրանք էլ հուրսուն դաթար տուին:
 Ռոտտեվանն ու Ավթանդիլը
 Իրանք իրանք հանաքն արին.

Իխտիլաթում լիդ պատմեցին—

Ոնց անցկացան շառն ու բարին:

Էն լազաթի իխտիլաթում

Մէ անի խօսք իսկի չկէր,

Ծիծաղելով, հանաքներով

Վախտն անցկացրին ինչպէս ընկեր:

«Ես յաղթեցի,» մէկզմէկուն

Ասումէին խան սա, խան նա.

«Իմ խփածը, որ պրծնի.

«Գուն էլ կ'օսիս, թէ չի կանայ:

Վկէքն էկան, նրանց հիդ մէտի

Մանէկողներն հուրսու վախտի.

«Գուք զուրթն ասէք,» խօսեց արքայն,

«Գրադ տանիլն է բան կուր բախտի:»

Մէկը նրանցմէն առաջ էկաւ.

«Արքայ,» ասաւ ձեռը դօշին.

«Ղուրթը թողած, սուտ սուտ խօսիլ,

«Միթէ կանայ ոտուդ փոշին:

«Ամէն բանը լեդ չի ասուի,

«Ձիզպէս մարդիք հեշտ չէ դատիլ,

«Ամա սրա հետ նիտ դցելում

«Գուն չիս կանայ համիմատիլ:

«Թէ գիդենանք դիփունանցիս

«Մաս, մաս կօնիս, էլ ճար չկալ.

«Միլ խօսքերը քիզ չին օգնի

«Մէ մազի չափ քիզ պէտք չին դա:

«Ավթանդիլդ միզանումը

«Նիտն էր ցցում ինչլի թեւը,

«Նրա ծէփելուն, չէ թէ հուրսը,

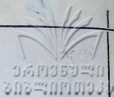
«Ձէր էլ դիմնայ ինքը դէր:

«Գուք էրկուսդ էրկու հազար

«Գազաններին տուիք ճղաւել,

«Ամա քսանով Ավթանդիլդ

«Մահուն էրիտ քեզմէն աւել:

«Մինձացրածդ որ անասնուն
«Նիտն անողորմ շպւտում էր,
«Տիղնէտիղը միզքանալուն
«Քեզնու վրա շրխկվում էր:

«Որքան որ դուն նիտ գցեցիր
«Աստուած տն քեզ էնքան ասրի.
«Ս.մ.ա շատ նիտ թողոտածներդ
«Մինք զեզնեմէն վիբ եմք առի»:

Ռոստեվանուն էս ախալը
Միտն էր գցում մէ խաղ նարգու.
Լաւուժիւնը դուր էր գալի
Իր մինձացրած աղամարդու:

Սիրում էր սա Ալթանդիլին
Ինչպէս բուլբուլն սիրուն վարդը,
Երբ խօսում էր նրա Հեդ մէնակ
Մոռանում էր իրա դարդը:

Երկուսնեթ Հով ծծելու
Ծառի տակը թռան դէվեր.
Էստի, էնդի զինուորները
Յցոտուեցան ինչպէս դևեր:

Նրա տասերկու ծառաները
Կանգնոտեցան բոլորիշուր,
Թագաւորի Հրամաններուն
Մնում էին խոնարհ ու լուռ:

Ռոստեվանն ու Ալթանդիլը
Թևեր տուին իրանց սէրին.
Նրանց խաղալուն ու խնդալուն
Ժամում էին ջուրն ու մէրին:

DER MANN IM TIEGERFELLE

GEORGISCHES EPOS

von

SCHOTA RUSTAWELI.

übersetzt

von

Arthur Leist.

„**БАРСОВА КОЖА**“

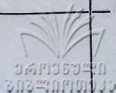
(поэма).

перевелъ съ грузинскаго на нѣмецкій языкъ .

Артуръ Лейстъ.

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 27 Апру́ля 1888 года.

Ein König lebte im Arabierlande,
Mit Namen Rostewan, dem Gott, der Herr,
Noch reiches Glück verliehn zum hohen Stande.
Leutselig, von erhabenem Sinn war er,
Mildtätighauch, gerecht und klug im Rate,
Herr einer ungeheuren Kriegerschaar,
Ein Feldherr, der nicht seines Gleichen hatte
Und auch als Redner anzuhören war.

Ein Kind war seiner Ehe nur entsprossen,
Nur eine Tochter, die ein Licht der Welt,
Von solchem Schönheitsglanze war umflossen,
Dass sie dem Sonnenkreis schien beigesellt.
Wer sie nur sah, verlor bald alle Sinne,
Sie nahm die Seele ihm, Herz und Verstand.
Zu singen ihrer Schönheit Lob beginne
Ein Weiser nur, der zehnmal sprachgewandt.

Ihr Name—nötig ist es ihn zu kennen—
War Tinatin. Als sie im Alter stand,
Das alle Menschen Jugendfrühling nennen,
War sie so schön, dass man nichts Schöneres fand.
Der König sammelt um sich die Veziere
Mit hehrer Ruhe, ernsthaft sitzt er da,
Und damit keiner nicht ein Wört verliere
Setzt er an seine Seite sie ganz nah.

Und er beginnt: Ihr sollt mir Rat erteilen
In einer wichtigen Angelegenheit!
Wenn auf des Rosenstrauches grünen Zeilen

Die eine Rose welkt im Lauf der Zeit,
Pflegt eine neue nach ihr zu entstehen
Und schmückt den Garten bald mit frischer Pracht.
Schon seh' ich meine Sonne untergehen
Und vor mir liegt nur Dunkelheit und Nacht.

Gar bald ist aus mein Schaffen und mein Sorgen,
Das Alter, das das schwerste Uebel ist,
Drückt mich. Sterb ich nicht heut, so sterb ich morgen,
Denn unaufhaltsam fort das Leben fließt
Was taugt ein Licht, das ganz von Nacht umwoben
Sich dem Erlöschen zuneigt ohne Rast?
Daher sei heut schon auf den Thron erhoben
Mein Kind, vor dem die Sonne selbst erblasst.

Zur Antwort ihm nun die Veziere gaben:
Warum sprichst du von deinem Alter, Herr?
Mag auch die Rose welke Blätter haben,
Bleibt sie der Blumen schönste doch und leer
Ist aller andern Reiz, denn sie erreichen
Beim höchsten Glanze ihre Pracht noch nicht.
Kann sich ein Stern denn mit dem Mond vergleichen,
Selbst wenn schon abnimmt dessen Glanz und Licht?

Nein, sag das nicht o Herr, denn deine Rose
Ist noch nicht welk und jede deine Tat,
Selbst die geringe und bedeutungslose
Mehr Wert als andrer Menschen Grosstat hat.
Wir sehns, du wolltest uns nur sagen
Den heissen Wunsch, den längst dein Herz gefasst.
Drum mag es sein! Mag die das Szepter tragen,
Vor deren Glanz die Sonne selbst erblasst!

Mag auch ein Weib nun unser Land regieren,
 Von Gott erschaffen ist sie ja wie wir,
 Sie wird das Szepter schon mit Würde führen.
 Das ist gewiss. Denk nicht, wir schmeicheln dir!
 Schon jetzt ist ja ihr ganzes Tun und Treiben
 So sonnenhell wie ihrer Anmut Schein.
 Des Löwen Kind wird immer Löwe bleiben,
 Mag es nun Löwe oder Löwin sein.

Der Feldherrn einer in des Königs Heere
 War Awtandil, des Oberfeldherrn Sohn.
 Schlank war er wie die Pinie, die hehre,
 Sein Schönheitsglanz sprach fast der Sonne Hohn.
 Noch war er jung, sein Kinn und seine Wangen
 Ganz bartlos noch und wie Kristall sa rein.
 Seit lange war sein Herz von Glut befangen
 Für Tinatin und ihres Bildes Schein.

Die Liebe sein verbarg er tief im Herzen,
 Sah er die Teure nicht, verwelkten bald
 Die Rosen seiner Wangen von den Schmerzen,
 Die bange Sehnsucht nährt mit Allgewalt.
 Beim Wiederschn erblühten sie dann wieder
 Und tiefer noch ins Herz die Wunde drang.
 So drückt der Liebesgram den Menschen nieder,
 So macht die Liebe Herz und Seele Krank.

Als Awtandil des Königs Wart vernommen
 Und Tinatin schon sah als Herrscherin,
 Ward seinem Herz die Bangigkeit genommen
 Und süßter Hoffnung Glut erfüllte ihn.
 Er sagt zu sich: Gar oft werd ich nun haben
 Gelegenheit die Herrliche zu sehn,

Mich satt an ihrer Gegenwart zu laben
Und meiner Blässe Uebel wird vergehn

Der grosse König liess im ganzen Reiche
Verkünden den Beschluss, den er getan:
Die Tochter Tinatin, die Frühlingsgleiche
Ist eure Königin von heute an!
Mag sie mit eurem Glanze euch bestrahlen.
So wie die Sonne hell am Sommertag!
Strömt hier zusammen aus Gebirg und Talen,
Schaut sie euch an und preist sie, wers vermag!

Bald strömten nun Arabiens Völkerschaaren
Herbei und voll ward ganz das grosse Schloss.
Der Edlen viele von den Rittern waren,
Auch Awtandil mit seinem Kriegertröss,
Und Sokrat, der im Kreise der Vertrauten
Dem grossen Könige am nächsten stand.
So kostbar war der Thron, den sie erbauten,
Dass niemand seinen Wert zu schätzen fand.

Nun führt der Vater Tinatin zum Throne,
Mit freudehellem Blick ihr zugewandt
Setzt er die reich verzierte Königskrone
Auf das geliebte Haupt mit eigener Hand
Dann legt er ihr das Szepter in die Rechte
Den Königsmantel auch um ihre Huldgestalt,
Und sie, das Kind aus glorreichem Geschlechte
Auf alle nieder wie die Sonne strahlt.

Der Herrin ihre Huldigung darzubringen
Verbeugen sich die Fürsten und das Heer,
Sie sprechen ihren Segen aus und singen
Zu ihrem Lobe schöne Lieder her.

Die Pauken und Posaunen laut erschallen
Mit süßem Klang ergötzend jedes Ohr,
Jedoch von ihren Augen Tränen fallen
Und tief senkt sich der Wimpern Seidenflor.

Für unwert hält sie sich der hohen Würde
Und für den Thron des Vaters zu gering,
Drum weint sie so; des Gartens schönste Zierde,
Die Rose, füllt ein heller Thränenring.
Der Vater tröstet sie, denn in dem Kinde
Sieht jeder Vater gern sein Ebenbild.
Er sagt: Erst jetzt ich endlich Ruhe finde,
Da meines Herzens heisser Wunsch erfüllt.

Er sagt zu ihr: Lass dir die Thränen stillen
Und lausche meiner Rede jetzt!
Arabien gehorcht nun deinem Willen,
Bist Königin, vom Vater eingesetzt.
Von nun an ist dies Reich dir übergeben,
Dein Auge über seiner Wohlfart wacht.
Sei weise stets in allem deinen Streben
Und was du tust, tu mit Bedacht!

So wie die Sonne stets mit ihrem Scheine
Ganz gleich bestrahlt die Rose wie den Kot,
Sei deine Gnade endlos auch und deine
Wohltätigkeit ein Beistand in der Not.
Sowohl für Grosse wie auch für die Kleinen.
Freigebigkeit Knüpft den, der fern sich hält
Und kann noch enger den mit uns vereinen,
Der gern sich unserm Willen unterstellt.

Verschenke reichlich alles! Sieh, dem Meere
Strömt Wasser zu und strömt aus ihm heraus.

Freigebigkeit bringt jedem Menschen Ehre,
Ein Himmelsbaum ist sie im Königshaus.
Gar nützlich sind zwar Speisen und Getränke,
Doch nutzlos alles, was umsonst du sparst.
Dein bleibt, was andern du machst zum Geschenke,
Verloren ist, was du für dich bewahrst.

Still, aufmerksam lauscht sie den weisen Lehren,
Die ihr der Vater giebt. Mit ernstem Sinn
Hört sie ihm lange zu und nimmt die hehren
Ermahnungen mit offenem Herzen hin.
Hierauf ertönten festlich heitre Lieder
Und froh setzt sich der König hin zum Mahl.
Fast neidisch strahlt die helle Sonne nieder,
Denn gerne wär sie Tinatin zumal.

Die Pflögerin, ihr treu in jedem Falle
Lässt sie dann zu sich rufen und befiehlt:
Geh', öffne meine reichen Kammern alle,
Die deine Hand bis heut verschlossen hielt.
Lass alles, alles bringen, was mir eigen,
Was mir als einziger Erbin zugehört.
Sie brachten es und ohne Geiz zu zeigen
Verteilt sie Schätze, die vom höchsten Wert.

Und so verschenkte sie an jenem Tage
Das alles, was sie von der Kindheit an
Gesammelt hatte und mit einem Schlage
Macht reich sie alle bis zum letzten Mann.
Dann sagt sie: Was der Vater mir empfohlen,
Das will ich treulich tun, wie's mir gebührt:
Mag jeder sich von meinen Schätzen holen,
Soviel er will. Nichts bleibe unberührt!

Geht und macht auf die Tore aller Hallen
Treibt meine reichen Herden dann herbei,
Die best gepflegten Rosse auch, denn allen
Heut ein Geschenk von mir gegeben sei.
Die Herden wurden bald herbei getrieben
Und unter die Versammelten verteilt.
So schien das Schenken gerne sie zu üben,
Dass sie fast ängstlich sich dabei beeilt.

Wie gierige Räuber rafften nun die Krieger
Die Edelsteine weg mit voller Hand.
Fort schleppten sie die Schätze wie der Sieger
Die reiche Beute schleppt aus Feindesland.
Auch edle Rosse, die dem Sturmwind glichen
An Schnelligkeit der Füße nahmen sie.
Mit schwerer Last von dannen alle schlichen,
Und Jung und Alt war glücklich wie noch nie.

Gar lange dauerte das Festgelage
Der Ritter, die in ungeheurer Zahl
Versammelt waren hier an jenem Tage.
Doch als zu Ende ging das reiche Mahl,
Liess Kummerschwer sein Haupt der König hangen
Und wie beschattet schien sein Angesicht.
Was ist das? fragten alle gleich mit Bangen.
Was ist geschehn, dass er kein Wort mehr spricht?

Ein herrlich Bild für jeden der Beschauer
Sitzt oben an von allen Awtandil,
Der tapfre Feldherr ohne Furcht und Schauer,
Der einem Löwen gleicht, wenn er es will.
Der greise Sokrat sitzt ganz nah daneben
Und wendet sich zu jenem um und spricht:

Was ist denn vorgefallen, dass soeben
So düster ward des Königs Angesicht.

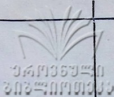
Den greisen König, meinten sie, betrübe
Wohl eine bittere Erinnerung.

Wie käm' es sonst, dass er heut traurig bliebe,
Da Gross und Klein sich freut und Alt und Jung?
Und Awtandil schlägt Sokrat vor zu fragen,
Warum der König denn so traurig sei
Und leicht im Scherze ihm dabei zu sagen,
Dass er dadurch ihr Freudenfest entweih'.

Die beiden Ritter standen auf; der eine
Noch jugendfroh, der andre ernst von Sinn.
Die Becher füllten sie mit edlem Weine
Und traten ehrfurchtsvoll zum Könighin,
Vor dem sie auf die Kniee sanken,
Wobei ein Lächeln spielt um ihren Mund.
Und ohne Scheu, doch in des Anstands Schrauken
Scherzt der Wezier und giebt sein Härmen kund:

Dein düstrer Anblick, Herr, betrübt uns alle,
Von deinem Antlitz strahlt Kein Lächeln mehr.
Ia, du hast Recht, denn deine grosse Halle,
Die voll von Schätzen war, steht nun ganz leer,
Wie leichte Spreu und Staub in alle Winde
Hat deine Tochter sorglos sie zerstreut.
Warum gabst solche Vollmacht du dem Kinde?
Jetzt bringt dir Gram, was vordem dich gefreut.

Still lächelnd ohne etwas ihm zu sagen
Hört ihn der König lange an mit Ruh,
Und denkt bei sich: Wie konnte der es wagen
Zu reden so? Wie kommt er wohl dazu?

Gut, gut! beginnt er ohne ihm zu grollen
Mit safter Stimme wie zu jeder Zeit,
Du wirst mich doch nicht geizig nennen wollen
Denn schwer irrt sich, wer mich des Geizes zeih!

Nein, mein Vezier, du hast es nicht gefunden,
Denn etwas andres mich so schwer betrübt.
Die Tage meiner Jugend sind entschwunden,
Ich bin schon alt und doch es keinen giebt,
Nicht einen einzigen in meinen Reichen,
Der in der Kriegskunst tüchtig wär wie ich,
Der in derselben sich mir könnt' vergleichen,
In allem handfest wär und ritterlich.

Nur eine Tochter hat mir Gott gegeben
Und keinen Sohn, der so wie ich gewandt
Im Bogenschiessen wäre und daneben
Den Ball so würfe mit geschickter Hand.
Nur einer von den Rittern und Vassalen,
Der junge Awtandil mir ähnlich ist,
Doch deshalb nur steht hoch er über allen,
Weil er mein Zögling und mein Schtüler ist.

Ganz frei und harmlos, keine Scheue zeigend
Hört still der Jüngling seinen König an
Und auf die Brust das schöne Haupt verneigend
Fängt schalkhaft, heimlich erzu lachen an,
Wobei die schönen weissen Perlenzähne
Aufschimmern zwisheu seiner Lippen Rot.
Was lachst du? fragt der König ihn, ich wähne,
Dass ich dazu dir keine Ursach' bot.

Der König wiederholt: Bei meiner Ehre
Beschwör ich dich; sag'mir, was lächelst du?

Hierauf der Jüngling; Gut, jedoch gewähre
 Mir das Verspreche'n, dass du mich mit Ruh
 Anhören willst und selbst, wenn meine Rede
 Dir unbescheiden scheint und allzu kühn,
 Du mir deshalb nicht zürnst und mir nicht schöne
 Die Gunst entziehst, wenn ich es auch verdien'.

Zur Antwort gab der König nun: Ich schwöre
 Beim Namen meiner Tochter Tinatin.
 Und wenn ich selbst Unangenehmes höre,
 Nehm' ich's von dir wie Angenehmes hin.
 Hierauf sagt Awtandil: Nun will ich's wagen
 Dir Kund zu tun, was mir das Herz beschleicht.
 Nicht allzu sehr darfst du darüber klagen,
 Dass keiner dir im Ritterhandwerk gleicht.

Zwar bin ich Staub vor deinem Angesichte,
 Jedoch ein Bogenschütze auch wie du.
 Ja, wetten wir und unser Tuen richte
 Dein Dienertross mit aller Herzensruh.
 Im Kampfspiel muss sich jeder vor mir schämen!
 Sagst du und da dein Wort kein leerer Schall,
 Darfst du es nun nicht mehr zurücke nehmen.
 Entscheiden wirds der Bogen und der Ball.

Auch ich besitze Fertigkeit und stehe
 In diesen Künsten dir gewiss nicht nach.
 Veranstalt also eine Jagd. Ich gehe
 Dahin mit Mut, an dem mir's nie gebrach.
 Gewissenhafte, treue Diener mögen
 Die Zeugen dort bei unserm Wettkampf sein
 Und unparteiisch, ruhig dann erwägen,
 Ob wohl der Ruhm dier zugehört allein.

Als seine Rede Awtandil geendet,
Ergaben beide sich mit heiterm Sinn
Der Fröhlichkeit und warfen, gut gewendet
Sich witzige Scherze gegenseitig hin.
Besprochen wurde dann genau die Wette
Und sie beschloßen ohne Neid und Groll,
Dass wer besiegt wird auf der Kampfesstätte
Mit blossem Haupt drei Tage gehen soll.

Dann sagt der König noch: Mag uns begleiten
Ein Tross von Reitern, zwölf an der Zahl,
Zwölf andre mögen neben mir her schreiten
Und mir die Pfeile reichen ohne Wahl.
Dir wird dein Scharmadin allein genügen,
Mit zwölfen nimmt er's in Gewandtheit auf.
Sohau' jeder zu, woher die Pfeile fliegen
Und zähl' die Beute selbst im schnellsten Lauf.

Dem Jagdfolge wurde dann befohlen:
Geht und durchstreift aufmerksam Wald und Feld
Und treibt herbei bis aus den Talessohlen
Von edlem Wild, was in die Bahn euch fällt.
Hierauf ward auch das Kriegervolk geladen
Sich zu versammeln zu dem Jagdschauspiel;
Und sich zerstreugend auf verschiedenen Pfaden
Verliessen sie den Schmauss vergnügt, doch still.

Am nächstem Morgen kam auf weisem Rosse
Der wie die Lilie blühnde Awtandil
Geritten stattlich zu dem Königsschlosse.
Korallen blitzten auf des Körpers Hüll',
Ein Goldturban auf seinem Haupte prangte
Und schön in seiner Rüstung anzusehn

Ritt vor den König hin er und verlangte
Mit ihm im Schiessen seinen Mann zu stehn.

Der König zu entscheiden seine Wette
Bestieg sein Ross und ritt hinaus ins Feld.
Dort waren dicht gedrängt in einer Kette
Des Jagdgesetzes Schaaren aufgestellt.
Ein lauter Jubel scholl von allen Seiten,
Die grosse Flur bedeckte weit das Heer,
Denn auch die Krieger wollten heute streiten
Und auf der Jagd erwerben Ruhm und Ehr',

Den Köcherträgern liess er drauf befehlen:
Folgt uns und reicht mir emsig Pfeile her,
Doch unterlasst es nicht genau zu zählen,
Wieviel ich abschiess! Schaut auch rings umher
Und zählt die Tiere, die getroffen fallen
Von meiner und des jungen Ritters Hand,
Jäh aufgeschreckt aus Wäldern und aus Talen
Kam bald das scheue Wild herbei gerannt.

Unüberschbar war der Tiere Menge,
Die ungestüm nun nahte mit Gebrüll,
Entgegen stürzten hin sich ins Gedränge
Der König und der junge Awtandil.
Kann wohl ein Anblick mehr die Augen bannen
Als der, der beider Jäger Bild gewährt?
Nun ist es Zeit die Bogen schon zu spannen,
Zu zeigen, wer des höchsten Ruhmes wert.

Ein schweres Staubgewölke von den Rossen
Emporgefegt verhüllt der Sonne Licht.
Von allen Seiten wurde Blut vergossen;
Die Pfeile schwirrten wie ein Hagel dicht.

Als alle sie bereits verschossen hatten,
 Ward neuer Vorrat ihnen Zugereicht,
 Nicht einen Schritt die Tiere weiter taten,
 Die ein Geschoss aus ihrer Hand erreicht.

Sie sprengten übers Feld dahin und trieben.
 Wie ein Gewölk die Herden vor sich her.
 Verschont nur wenige der Tiere blieben,
 Wie Gottes Zorn war ihr Gemetzel schwer.
 Gefärbt vom Blute waren alle Tale,
 Sie selbst beflekt an Rüstung und Gewand,
 Und Awtandil anschanend sagten alle:
 Seht die Zypresse dort aus Edens Land!

Als sie das Feld weit hinter sich schon hatten,
 Bot sich ein klarer Fluss den Blicken dar.
 An seinen Ufern grüntem keine Matten,
 Sein Bett von Felsen eingeschlossen war.
 Das Wild, das glücklich noch entkam den Pfeilen,
 Floh in den Wald, wo nie ein Pfeil eindrang.
 Still standen beide nun, erschöpft vom Eilen
 Und von der Arbeit, die gewährt' so lang.

Mit Lächeln sagte jeder nun von ihnen:
 Du bist besiegt so wie du es gewollt!
 So scherzten sie mit freundlich heitern Mienen
 Bis sie die Ritter alle eingeholt.
 Sagt mir die Wahrheit jetzt, begann der König,
 Die Wahrheit nur, nur, wie ich es euch befehl!
 Und jene drauf: Wir sind dir untertänig,
 Doch woll'n wir alles sagen ohne Hehl'.

Ja, Herr, mit ihm kannst du dich nicht vergleichen,
 Weit stehst du ihm im Waidhandwerke nach,

Und solltest du deshalb vor Zorn erleichen,
 Es bleibt bei dem, was jener neulich sprach.
 Stets auf der Stelle, wie vom Blitz geschlagen,
 Fiel jedes Tier von seinem Pfeile hin.
 Ja, mit Gewissheit dürfen wir das sagen,
 Denn unablässlich schauten wir auf ihn.

Zwei Tausend Stücke Wild sind heut gefallen,
 Doch nicht erfüllt der Wunsch, den du gehegt,
 Denn Awtandil—mag's dir auch nicht gefallen—
 Hat zwanzig Tiere mehr als du erlegt.
 Von allen Pfeilen, die er abgeschossen,
 Hat nicht ein einziger verfehlt sein Ziel,
 Von deinen aber—hör es unverdrossen!—
 Sind in die Erde eingedrungen viel.

Wie eines Lieblingsliedes Töne sogleich
 Des Königs Ohren dies Geständniss ein.
 Es freute ihn, dass der, den er erzogen,
 Der erste war in seiner Ritter Reihn.
 So wie die Nachtigalln die Rosen lieben,
 So liebte er den kühnen Awtandil,
 Er hörte auf sich weiter zu betrüben
 Und heiter scherzend hielten beide still.

Sie stiegen ab sogleich von ihren Rossen
 Um in der Bäume Schatten auszuruhn.
 Wie Spreu im Winde kam herangeflossen
 Das grosse Heer von allen Seiten nun.
 Zwölf schlanke Ritter vor dem Könige stehen,
 Die tapfersten im ungeheuren Heer.
 Erfreut besprechen sie das, was geschehen
 Und schauen an die Gegend rings umher.

LA PEAU DE LEOPARD

d'après

Chota Rousthaveli

par

ACHAS BORIH.

LA PEAU DE LÉOPARD

INTRODUCTION

Le poète prend sa lyre et chante:

Dieu puissant qui créas et animas l'univers et fis les rois
à ton image, donne-moi la force de vaincre Satan, donne-moi
l'amour et l'affection dans cette vie et le pardon de mes pé-
chés dans l'autre!

Je veux parler de la plus belle des reines, mais comment
décrire le rubis de ses joues, ses sourcils et ses cils si longs
et si noirs et ses dents de diamant? Mon génie n'a point cette
force! Telle la pierre la plus dure se brise à la fin contre
l'enclume qui semble molle!

Venez à mon aide, ô mon Dieu! Un nom familier à ma
lyre va reparaitre dans ces strophes, car je vais chanter les
hauts faits de Tariel dont la destinée m'a fait si souvent pleurer!

Vous qui me lirez, partagez avec moi sa douleur, car,
comme lui, vous êtes voués à la souffrance!

J'ai trouvé ce récit écrit en Persan; je l'ai traduit. J'en
suis fier... Tout ce qui est beau mérite qu'on s'en souviennne et
qu'on tâche de lui donner la forme la plus belle.

Celui qui aime doit être sage, riche, généreux, patient,
éloquent et courageux; celui qui n'a pas toutes ces qualités ne
saura jamais ce qu'est l'amour. L'anaour, quoique charmant, est
difficile à comprendre; l'amour n'est point la passion; il y a un

abîme entre ces deux idées!... Que personne ne les confonde! L'amour est éternel; la passion passagère. Si ceux qui s'aiment sont séparés, ils doivent arrêter leur vie sur l'idée de leur amour, devenir dévoués l'un à l'autre et se rester fidèles, même si l'être adoré devenait repoussant à la vue. Je hais l'amour sans cœur, celui qui ne se manifeste que par des baisers! La vraie affection n'est pas changeante comme les engouements d'enfance; l'amoureux doit supporter les meurtrissures du sort sans jamais dévoiler son secret; alors on aime mourir éloigné de sa flamme ou bien en être consumé! Pour se revoir, on doit être toujours prêt à tout sacrifier et à braver les hommes et le roi de cette terre. . . .

La poésie est une partie de la sagesse; elle appartient aux dieux, mais nous est utile parcequ'elle nous éclaire par ses images. Les vers sont bons pour le chant, pour parler d'épanchements amoureux et de joie. . . . Nous jugeons du coursier par sa vitesse et la longueur de sa course, le joueur de balle par la précision de ses coups, le poète par l'expression qu'il sait donner à ses vers et par la force du souffle qui traverse son poème.

Ne définissez pas l'auteur au commencement de son œuvre; voyez si c'est avec la même inspiration et la même élégance qu'il sait l'achever, ou bien si sa lyre fausse à la fin.

Je ne qualifie pas de poète celui qui écrit deux ou trois vers; je le comparerai volontiers à l'enfant dont la flèche atteint les petits oiseaux et que je n'appelle pas un chasseur. Le poète doit être possesseur d'un grand sujet qui l'inspire suffisamment pour rendre l'expression de sa pensée musicale.

PROLOGUE.

Ce jour-là, Rostévan, roi d'Arabie, met beaucoup de pompe en tenant son conseil. Il proclame les éloges de sa fille Tinatine; il veut partager son trône avec elle, tant il la respecte et l'aime.

Un murmure s'élève, le roi n'était pas assez vieux, qu'il ait à songer à son remplaçant, et le grand vizir dit:

„Nous savons que les lionceaux sont des lions aussi, mais la Princesse Tinatine est tellement jeune“ !

Agitée, l'assemblée hésitait. Alors, le roi ayant dit quelques mots au vizir qui s'éloigna, attendit avec calme, tandis qu'autour de lui on délibérait sur sa proposition même protester.

Mais la porte des jardins s'ouvrit, et, sur le fond bleu du ciel coupé par les sveltes lignes des feuillages de palmiers et par les illuminations féeriques des azalées, parut nue femme, une enfant presque. Elle était tout en blanc; une pelisse d'hermine aux chatolements de duvet de cygne avait glissé de ses épaules et s'était arrêtée en gros plis autour de ses hanches, formant comme une vague qui rebondit écumante, d'où s'épanouissait un lys à peine rosé... le corps souple de la jeune fille recouvert d'un tissu transparent. La tête était petite, encadrée d'un flot de cheveux noirs qui ondulaient des épaules jusque sur l'hermine, tranchant noir sur la blancheur transparente du cou et des bras, sur la pâleur mate de la chemise, sur le gros

blanc mousseux de la fourrure. Le nez et le front formaient une seule ligne; un sourire innocent glissait sur ses lèvres passionnées et rouges qui contrastaient étrangement avec l'éclat superbe de grands yeux noirs aux cils frisant sous l'arc régulier des sourcils. Sa main, fine et longue, était encore celle d'une enfant, mais, pour ceux qui comprenaient, cette main saurait lever haut le sceptre royal. Tinatine la lumineuse semblait dédaigner le soleil qui la nimbait pourtant! . L'assemblée baissa la tête; le roi avait raison de remettre le pouvoir à sa fille! . . . L'homme cède à la divinité!

Les palais brillaient de soleil, de costumes éclatants, de pierreries. d'or, de blanc, de rouge. Le bruit, les musiques et les rires du festin, les tables innombrables autour desquelles étaient venus s'asseoir les convives les plus variés, parlaient de l'importance de la fête. Des gobelets d'or se levaient, les cris et les éclats de voix grandissaient, lorsqu'un silence complet suspendit un instant toutes ces joies, et, dans les colonnades, les hautes voûtes ogivales de la salle, retentit la voix de Rostévan. Il annonçait au peuple qu'il partageait le pouvoir avec Tinatine. Puis, voyant l'éclat des reflets du soleil dans cette fête et dans les pierreries qui couronnaient le front de sa fille, il dit:

„ Sache, enfant, que la richesse consiste non dans ce que l'on possède mais dans ce que l'on a donné! “

Et elle, presque maligne dans son sourire, pria son père de lui donner sa part de richesse.

Le roi la conduisit sur une terrasse et lui montra à leurs pieds, dans une vaste cour, un millier de chameaux chargés de caisses d'or aux émaux multicolores, aux ornements martelés en relief, des tapis de Perse, aux tons vifs, mêlés avec les soies des Indes, pâles, l'air efféminé, et avec les étoffes blanches,

légères comme la neige, qui venaient du nord. Le soleil s'en donnait dans cette cour scintillante des reflets de richesses.

Tinatine en fut éblouie.

„Qu'on distribue toute ma dot aux indigents!“

Et elle ajoutait gaiement qu'elle voulait être plus riche que le roi!... n'avait-elle point tout donné?

Le festin recommençait plus bruyant; les fanfares rivalisaient d'éclat avec les rayons qui allumaient cette fête et cette joie. Lorsque les premières teintes du couchant vinrent se poser sur la beauté brune de la jeune reine, elle se retira; Ros-tévan la suivit du regard et son front s'assombrit tout-à-coup; alors un jeune homme charmant, blond et élancé, s'approcha du trône; c'était le courageux Avtandil, le favori-du roi; seul il avait le droit de lui demander la cause de sa tristesse.

„Ma fille est belle et sage, elle saura gouverner son royaume; mais qui, après ma mort, pourra la défendre, l'arme à la main, contre l'ennemi? Oh! que n'ai-je un fils pour continuer glorieusement mon règne! Je n'ai que toi, Avtandil; ton courage est connu de tous, et quoique tu remplaceras imparfaitement celui qui le Très-Haut m'a refusé, j'ai tant d'amitié pour toi que je te fais chef de toutes mes troupes et te donne libre accès auprès de nous.“ — „Je pourrai la voir tous les jours!“ pensa Avtandil, rougissant de plaisir; et, étant homme très sensé il pensa que l'amour est le meilleur moyen pour enlever la pâleur et colorer le joue!

Pour distraire son souverain, il imagina de l'intéresser à un pari. Il s'agissait de prouver qui, de Rosiévan ou d'Avtandil, avait le plus de courage et était le meilleur chasseur. Le roi, amusé de l'offre, ordonna une chasse qui durerait trois jours; il serait à la tête d'un bataillon de veneurs, Avtandil

d'un autre, et des juges décideraient qui des deux aura remporté la palme du courage.

Trois jours après, les deux troupes s'étant réunies, suivaient le cours d'un fleuve qui serpentait tantôt entre des rochers tantôt, riant et bleu, égayait la plaine verte.

... „Ne sommes-nous pas de force égale?“ disait le roi. Avtandil eut un sourire modeste.

— „Que nos juges en décident!“

Et ceux-ci déclarèrent, lorsque Rostévan l'eut permis, que le courage du jeune homme et son adresse à la chasse étaient supérieurs à tout autre.

Le roi, regardant Avtandil paternellement, se félicitait d'avoir su se choisir un favori pareil.

Ils allaient gaiement en tête des soldats qui traînaient le butin: le lion, l'aigle, le chamois et les faisans étaient portés pêle-mêle comme trophés de gloire. Seulement, une lionne enchaînée rugissait, résistant vainement à la marche grandiose de la troupe.

La rivière toute brillante à leurs pieds semblait murmurer leurs louanges,.... lorsqu'à un tournant, ils arrêtent involontairement leurs chevaux. et le roi, d'un geste ému, indiqua l'autre rive. Au pied d'un rocher, près de l'eau, se reposait un être étrange. Sa forme, tout en étant humaine, était belle comme serait celle d'un dieu! Il était seul, nonchalant, dominant la nature, le montagne et le désert qui s'étalaient à perte de vue derrière lui. Ses épaules, d'une force surhumaine, et son admirable corps bruni aux caresses du soleil, étaient étroitement entourés d'une peau de léopard négligemment jetée et qui semblait l'adorer dans une étreinte sublime; de soyeuses boucles brunes s'échappaient d'une autre peau semblable qui ceignait un front élevé, marqué de l'empreinte du génie, qu'il ap-

puyait sur sa main. Son regard restait perdu dans l'espace insouciant, dédaigneux, morne; il y avait des larmes dans les yeux, et le soleil, se reflétait dans ces astres, leur donnait l'étrange éclat qu'a la bête féline pendant la nuit!

Les yeux du léopard dont la peau couvrait la tête de l'homme, semblaient en ce moment s'être allumés dans ce beau et triste visage!

Son cheval paissait non loin.

„Regarde!“ dit le roi. „Il ne nous voit pas; „il n'entend donc pas le bruit des chevaux, le bruit des voix?“ En effet, après un moment d'étonnement et d'admiration, le mouvement et la parole étaient revenus à la troupe d'abord stupéfait. „Il ne daigne pas nous remarquer!“ Le regard de l'inconnu planait dans d'autres sphères... il n'entendait rien!.. Alors Rostévan, pour le voir et le prier de venir partager leur repas et leur joie, lui envoie un cavalier qui s'en approchant l'appelle: héros et maître! Ce fut en vain, l'inconnu ne se retourna même pas pour l'entendre; l'envoyé n'osait faire plus, tant cet homme lui semblait grand, supérieur!

Voyant cela, le roi ordonne à douze soldats de le prendre et de l'amener de force. Ils partent; le bruit de leur approche semble réveiller le rêveur; il les regarde, indifférent, se lève, se secoue, monte à cheval, et, sans se retourner, s'éloigne au pas.

„Qu'on l'attrape!“ crie Rostévan en fureur.

Un cavalier veut s'en saisir, mais l'homme lève son *matrak*, et, d'un coup de fouet, brise le crâne du téméraire qui tombe et expire.

Pris d'une colère folle, Rostévan, en tête de toute la chasse, se met lui-même à la poursuite. On traverse la rivière.

L'homme à la peau de léopard s'éloignait au pas, impassible.

Les chevaux, sur la côte, escaladent le rocher au galop. Alors, au bruit de l'approche de cette troupe, l'autre se retourne et, voyant le roi, à la barbe blanche et à la cuirasse d'or, suivi de sa nombreuse escorte avec lances, flèches et armures luisant de métal au soleil, touche de son gourdin son étalon noir qui prend sa course avec une telle vitesse qu'au même instant le cavalier disparaît aux regards désespérés de Rostévan qui ordonne de s'arrêter et de revenir.

Le roi est sombre!

La rivière maintenant semblait murmurer les louanges d'un autre, et la lionne résistant encore, seule rompait de ses rugissements le silence de cette marche lugubre! . . .

ვეფხვის-ტყაოსანი

ნ. თ. გ. მ. ა.

ზრთა რუსთაველისა.

I

ამბავი როსტეკან არბთა მეფისა.

ოეო არბეთს როსტეკან, მეფე ღვთისაგან სვიანი,
მაღალი, უსვი, მდაბალი, ღაშქარ-მრავალი ემიანი,
მოსამართლე და მოწყალე, მოწმუნელი, განკუბიანი,
და თვით მეომარი უბრო, კვლავ მოუბარი წელიანი.

სსვა ძე არ ესვა მეფესა, მართ ოდენ მარტო ასული,
სოფლისა მნათი მნათობი, მისისაგა დასთა დასული;
მან მისთა მჭვრეტთა წაულის გული, გონება და სული;
და ბრძენი ჰსამს მისად მაჭვრად და ენა ბუკრად ასული.

მისი სასელი თინათინ, არს, ესე საცოდნარია;
რა გაიზარდა, გაივსო, მზე მისგან საწუნარია.
მეფემან იხმნა ვაზირნი, თვით ჰზის ღალი და წუნარია;
და გვერდსა დაისხნა, დაუწყო მათ ამო საუბარია.

უბრძანა: აგვიტსაეთ საქმესა, ერთგან სასაუბაროსა:
რა ვარდმან მისი ვვაიელი გახმოს, დაამჭვანაროსა,
იგი წავა და სსვა მოვა ტურფასა სამაღნაროსა.
და მზე ჩაკვისვენდა, ბნელსა ვსჭვრეტთ, ღამესა ჩვენ უმთვაროსა,

ემე გარდავსრულვარ, სიბერე მჭირს, ჭირთა უფრო მნელია;
დღეს არა, სვაღე მოვეკედები, სოფელი ასრე მქნელია.
რადღა იგი სინათლე, რასაგა ასლავს ბნელია?
და ჩემი ძე დავსვათ სელმწიფედ, ვისგან მზე საწუნელია. »

გუგინითა ჭკადრეს: მეფეო რად ბძანეთ თქვენი ბრძოლა?
 ვარდი თუ გასმეს, ეგრეთა გვძირთებს რაზომცა ჟერობა,
 მისივე მეტობს უოგელსა სული და ტურფა ფერობა.
 რ მთვარესა მცნალსა ვარსკვლავმა ვითამცა ჭკადრა მტერობა! »

მეგას ნუ ბძანებ, მეფეო, ჟერ ვარდი არ დაგვჭნობია.
 თქვენი თათბირი ავიცა სსვისა კარგისა მჯობია.
 წსმდა განაღამცა სათქმელად, რაცა თქვენ გულსა გლმობია;
 რ წსჯობს, და მას მიეც მეფობა, ვისგან მსე შენაფლობია.

თუმცა ჭალია ხელმწიფედ, მართ ღვთისა დანაბადია;
 არ გათნვეთ, იცის მეფობა, უთქვენოდ გვიტყვამს კვლავ დია;
 შუგათა მისთაებრ საჭმეცა მისი მსებრ განაცხადია.
 რ ლეკვი ღლამისა სწორია, მუ იუას, თუნდა სვადია. »

ავთანდილ იუო სმასხუეტი, მე ამირ-სმასალარისა,
 სარლას მჯობია ნაზარდი, მსგავსი მისისა და მთვარისა,
 ჟერ უწვერული, სადარო ბროლ-მინა საცნობარისა.
 მას თინათინის შვენება ჭკლეგდის წამწამთა ვარისა.

გულსა მისსა მიჯნურობა მისი ჭქონდა დამალულად.
 რა მოშორდის, ვერ მჭერეტელმან ვარდი შექმნის ფერსაკლულად;
 ნახის, ცეცხლი გაუხლდის, წელული გახდის უფრო წელულად.
 რ საბრალთა სიუვარული, კაცსა შეიქმს გულ-მოკლულად.

რა მეფედ დასმა მეფემან ჭბრძანა მისისა ჭალისა,
 ავთანდილს მისვდა სიამე, ვსება სჭირს მის სოქალისა.
 თქვა: «სეღასედა მიმსვდების ნახვა მის ბროლ-ფიქალისა,
 რ ნუ თუ ვით ვზოეო წამალი მე ხეში ფერ-გამქრქალისა! »

არაბეთს გასცა ბრძანება დიდმან არაბთა მეფობელმან:
 «თინათინ ხეში ხელმწიფედ დაკსვი მე მისმან მშობელმან.
 მან განანათლეს ფოკელნი, ვით მსემან მანათობელმან.
 რ მოდით და ნახეთ ფოკელმან შემსხმელმან, შეამკობელმან. »

მოვიდეს სრული აზრით, ვარი გამრავლდეს ხასისა,
 აუთანდილ, პირ-მზე სმასპეტი ლაშქრისა ბეგრ-ათასისა,
 ვეწირი სოფრატ, მოასლე მეუისა დასთა დასისა,
 ✎ მათ რომე დასდგეს საკდომი, თქვეს: «უთქმელია ფასისა!»

თინათინ მიჰყავს მამასა პირითა მით ნათელითა,
 დასკა და თავსა გვირგვინი დაადგა თავის სელითა,
 მისცა სვიპტრა და შეძოსა მეფეთა სამოსელითა,
 ✎ ქალი მზეებ უჭკრეტს ყოველთა ცნობითა ზემსედეკელითა.

უგუდგეს და თაყვანი ჰსცეს მეფეთა და მისთა სმათა,
 დალოცეს და მეფედ დასკეს, ქება უთსრეს სხვაგნით სსკათა,
 ბუისა ჰკრეს და წინწილანი დაატეზობდეს ტეზილთა სმათა.
 ✎ ქალი ჰსტირს და ცრემლსა აფრქვეს, ჰსრის ყოწრისს ბოლო.

მამას ტასტსა საკდომად თავი არ ეღირსებოდა, | ფერთან.
 ამად სტირს, ბალი ვარდისა ცრემლითა აივსებოდა.
 მეფე ჰსწვრთნის, მამა ყოველი ძისაგან ითავსებოდა:
 ✎ ამისად ქმნადის დამწველი რეცხლი არ დამეკსებოდა.

უბრძანა: «ნუ სტირ, ასულა, ისმინე ჩემი თსრობილი:
 დღეს შენ ხარ მეფე აზაბეთს, ჩვენგან სელმწიფედ სმობილი,
 აქადგან ესე სამეფო მართ შენია მონდობილი,
 ✎ სარმცა ბრძნად მქმნელი საქმისა, იუავ წენარი და ცნობილი.

«ვარდთა და ნესეთა ვინადგან მზე სწორედ მოეფინების,
 დიდთა და წვრილთა წყალობა შენმცა ნუ მოგეწეინების.
 უხვი ახსნილსა დაზამს, იგი თვით ების, ვინ ების;
 ✎ უხვად გასცემი, ზღვათაცა შესდის და გაუდინების.

მეფეთა შიგან სიუხვე, ვით ედემს ჯღვა რგულია,
 უხვსა მორჩილობს ყოველი, იგიცა ვინ ორგულია.
 სმა-ჰამა დიდად შესარგი, ღება რა სსვარგულია?
 ✎ რასაცა გასცემ, შენია, რაც არა — დაკარგულია.»

ამა მამისა სწავლასა ქალი ბრძნად მოიხმინებდა,
 ეურთსა უბურობდა, იხმენდა, წკრთხასა არ მოიწინებდა.
 მეფე სმასა და მღერასა იქმს, მეტად მოიღვინებდა.
 რ თინათინ მსესა სწუნობდა, მაგრამ მსე თინათინებდა.

მოხსმო მისი გამზრდელი, ერთგული, ნაერთგულივი,
 უბრძანა: ჩემი საჭურჭლე, შენგან დანაბეჭდულივი,
 მომარტოვით ჩემი ვეკლი, ჩემი ნაუფლისწულივი. »
 რ მოართვეს. გასტა უზომო, უანგარიშო, ულევი.

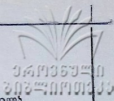
მას ღღეს გასტემს ვეკლიასა სივადისა მოგებულსა,
 რომე სრულად ამოგებს მცირესა და დიდებულსა.
 მერმე უბრძანა: ვეჭმე საქმესა, მამისაგან სწავლებულსა,
 რ ჩემსა ნუგინ ნუ დამალავს საჭურჭლესა დადებულსა. »

უბრძანა: წვადით გასხენით, რაცა სად საჭურჭლენია.
 ამიღვანორო, მოახსნი რემა, ჯოგი და ცხენია. »
 მოიღეს. გასტა უზომო, სიუსვე არ მოსწყენია.
 რ ღარსა უსტეტიდან ღაშქარნი, მართ ვითა შეეაბრენია.

აღაფობღეს საჭურჭლესა მისსა ვითა ნათურქაღესა,
 მას ტაიჭსა არაბულსა, ქვეინამასა, ნასუქაღესა,
 რომე უგვანდა სიუსუვითა ბუქსა, სეცით ნაბუქაღესა.
 რ არ ღვარჩენს ცარიელსა, არ ემასა და არცა ქაღესა.

ღღე ერთ გარდასდა, ბურობა სმა-ჭამა იყო ღილობა,
 ნადიმად მუდომითა ღაშქარითა მერ დიდი შემოყობილობა,
 მეფემან თავი დაჭვიდა და უქონდა დაღრევილობა.
 რ ნეტარ რა უმამის, რა სჭირსო? » უქმნეს ამისი ცილობა.

თავსა უზის ვირ-მსე ავთანდილ, მსკრეტთაგან მოხსნდომია,
 სხათა სხასბეჭტი ჩაუქი, ვითა ვეფხვი და ღომია;
 ვეზირი, ბერი სოგრატი, თვით მსხთანავე მუდომია.
 რ თქვეს, თუ რა უმამის შეფესა, ანუ რად იფერი უკრთომია?

თქვენ: «თუ მეფე ცუდსა რამე გონებასა ჩავარდნილა,
 თვარე აქა სამიძარი მათი ვოლე არა ქმნილა». | ცილა;
 ავთანდილ სთქვა: «სოგრატ, ვეითსოთ, გვეითსრას, რაცა შეგვე-
 ღ კვადრთ რამე საღაღობო, რასათვისცა გაგვწილა».

ადგეს სოგრატ და ავთანდილ ტანითა მით კენარითა,
 თვითთა აივსეს ქიქები, მოვლენ ქვევითა წუნარითა,
 წინა მიუსხდეს მუსლ-მოყრით, შირითა მოცინარითა.
 ღ კეზირი ლაღობს ენითა, წელანად მოუხნარითა:

დაგიღრეჯია, მეფეო, აღარ გეცინის შირიო,
 მართალ-სარ, წასდა საჭურჭლე თქვენი მიმი და ძვირიო, —
 ეველასა ვასრემს ასული თქვენი საბომვარ-ხშირიო».
 ღ ეოლამცა მეფედ ნუ დასვი, თავსა რად უგდე ჭირიო?»

რა მეფემან მოისმინა, გაცინებთ შემოსედნა,
 გაუკვირდა, ვეით მკადრაო, ან სიტყვანი ვით გაბედნა?
 ღარგა ჭქნა», დაუმაღლა, ბრძანებანი უიშედნა.
 ღ მხეში ზრასვა სიმუნწისა, ტუუვის ვინცა დაიუბედნა.

ეგეო არ მიმომს, კეზირო, ესეა, რომე მწუენია:
 საბერე მახლავს, დავლიე სიემაწვილისა დღენია,
 ვატი არ ზრის, სითგანცა საბრძანებელი ჩვენია,
 ღ რომე მას ჩემგან ესწავლნეს სამამადონი ზნენია.

ვერთია მიზის ასული, ნაზარდი სათუთობითა.
 დმერთმან არ მომცა ვმა შეილი, ვარ საწუთროსა თიობითა,
 ანუმცა მკვანდა მშვილდოსნად, ანუ კვლავ ბურთაობითა.
 ღ ცოტასა შემწევს ავთანდილ, ჩემგანვე განაზრდობითა.»

ვმა მეფისა ბრძანებასა ლაღი წუნარად მოისმენდა,
 თავ-მოღრეკით გაიღიმნა, გაცინებ დაუშვენდა,
 თოერთა კბილთა გამომკრთალთა შუქსა ველთა მოაფენდა.
 ღ მეფე ჭკითსავს: «რას იცინი, ანუ ჩემგან რას შეგრცხვენდა?»

ველავ უბრძანა: «თავსა ჩემსა რას ეტინი, რა დამტეო?»
 ემამან ჯადრა: «მოგასსენებ და ფარმანი მიბოძეო,
 რაცა გკადრო, არ გეწეინოს, არ გარისსდე, არ გაწერეო,
 რა არ გამსადო კადნიერი, არ ამიკლო ამასეო.»

უბრძანა: «რამცა ვიწეინე თქმა შენგან საწეინარისა!»
 ფიცა მსე თინათინისა, მის მზისა მოწუნარისა.
 ზუთანდილ იტუვის: «დავიწეო კადრება საუბარისა,
 რა ნუ მოკვებს მშვილდოხსობასა, თქმა სჯობს სიტუვისა წუნარისა,

«მიწამცა თქვენი ზუთანდილ თქვენს წინა მშვილდოხსანია,
 ნამლევი დავსდვით, მოკასსნეთ მოწმად თქვენივე სპანინ.
 მოასპარესედ ვინ მგავსო, ცუდილს უკუთქმინია,
 რა გარდამწევეტელი მისიცა ბურთი და მოედანია.»

«მე არ შეგარჩენ შენ ჩემსა მაგისა დაცილებასა!
 ბრძანე, ვისროლოთ, ნუ იქმო შედრევილობა კლებასა.
 კარგთა კაცთასა ვიქმოდეთ მოწმად ჩვენთანა სლებასა,
 რა შენვე გამოხსნდეს მოედანს, ვისიო უთსრობდეს ქებასა.»

ზუთანდილცა დამორჩილდა, საუბარნი გარდასწევიტეს,
 იცინოდეს, ემიწვილობდეს, საყვარლად და კარგა მზიდეს,
 ნამლევიცა გაჩინეს, ამა შირსა დაასკვინიდეს:
 რა «ვინცა იეოს უარესი, თავ-მიშეველი სამდლე ვლიდეს.»

ველავ ბრძანებს: «მონა თორმეტი შეკსსათ ჩვენთანა მარებლად,
 თორმეტი ჩემად ისრისა მამრთმეკლად, მოსასმარებლად.
 ვროთა შენი შერმადინ, არს მათდა დასადარებლად.
 რა ნასროლ ნაკრავსა სთვალვიდენ უტუგურად, მიუმდრადრებლად.»

მონადირეთა უბრძანა: «მინდოარი მოიარენით.
 დასტევით ჯოგა მრავალი, თავნი ამისთვისა ზრენით.»
 ლაშქარნი სამზოდ აწვივნეს: «მოდიოთ და მოიარენით.»
 რა გაქარეს სმა და ნადიმი, მუნ ამოდ გავისარენით.

დილას ადრე მოვიდა იგი ნაზარდი სოსანი,
 მოწყულთა მოსული, ზირად ბროლ-ბალახოსანი!
 ზირს ოქროს რიდე ესვია, ჰშეენოდა ქარქაშოსანი,
 დ მეფეს გასვლად აწვევდა, მოდგა თეთრ-ტაიჭოსანი.

შეეკაზმა მეფე, შექსვდა, ნადირობას გამოვიდეს. | დეს.
 მგერგელიც მინდორსა მოსდგომოდეს, ალყად გარე შემოჭკრი-
 შვიმი და ზარი იყო, სპანი ველთა დაფარვიდეს.
 დ ნამლევის მათისათვის ისროდეს და ერთგან ჰსვრიდეს.

უბრძანა: ემონა თორმეტი მოდიო, ჩემთან ვლიდიოთ,
 მშვილდსა იფიცელსა მოგგვემდიო, ისარსა მოგვართმიდიოთ.
 ნაკრავსა შეადარებდიო, ნასროლსა დასთვალვიდიოთ.
 დ დაიწყო მოსვლა ნადირთა ყოველთა მინდორთა კიდიოთ.

მოვიდა ვოგი ნადირთა, ანგარიშ-მოუწომელი:
 ირუმი, თხა და კანჯარი, ქურციკი მალლა მსტომელი.
 მას ზატრონ-უმანი გაუხდეს, ჭკრეტადმცა ჰსჯობდეს რომელი!
 დ აჰა მშვილდი და ისარი და მკლავი დაუშრომელი!

ცნეთა მათთა ნატურფალნი ჴესა შუქთა წაუსმიდეს.
 მინცდეს და მიესროდეს, მინდორს სისხლსა მიასსმიდეს;
 რა ისარნი დაუღივნეს, მოსანი ეე მოართმიდეს;
 დ მხეცნი, მათგან დაეადილნი, წადმა ბიჯსა ვერ წასდგმიდეს.

იგი ველი გაირბინეს, ვოგი წინა შემოისსეს,
 დასოცეს და ამოსწევიტეს, ცათა დმერთი შეარისსეს,
 ველნი წითლად შეუღებნეს, ნადირთაგან სისხლი ისსეს.
 დ აუთანდილის შემსედგველთა: ეჭკავს, ალყა ედემს ისსეს.

იგი მინდორი დალივეს. მართ მათგან განა ზბენია.
 მინდორსა იქით წყალი ჰსდის, და წყალსა იქით კლდენია;
 ნადირი ტყუასა შეეწრნეს, სადა ვერა რბის ცსენია.
 დ იგი მაშვარდნი ორნივე მოსწყედეს, რაზომცა მსნენია,

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

შოთა-რუსთაველი.

УДК 82(07) ШОТ
628.7(07)000

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ГРУЗИНСКІЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТЪ.

I.

Въ 1709 году, при грузинскомъ царѣ Вахтангѣ, въ городѣ Тифлисѣ положено было начало книгопечатанію открытіемъ типографіи, въ которой и была напечатана извѣстная поэма *Шота Руставели*, подъ заглавіемъ „*Барсова Кожа*“, ходившая до той поры въ рукописяхъ и спискахъ.

Со времени появленія въ свѣтъ книги, начинается распространеніе въ народѣ популярности Руставели и первыя гоненія противъ его произведенія со стороны духовенства того времени и особенно католикоса *Антонія I*, который въ видахъ охраненія своей паствы отъ соблазна, приказалъ собрать экземпляры „*Барсовой Кожи*“ и бросить ихъ въ р. Куру. Еще, прочемъ, ранѣ этого оригинальнаго „*потопленія*“ книги першаго народнаго поэта Грузии, царь Вахтангъ У-й впалъ въ другую крайность: печатая „*Барсову Кожу*“, онъ приложилъ къ поэмѣ свои *собственные комментаріи*, гдѣ усиливался придать всему содержанію книги религіозно-символическое значеніе, чего на самомъ дѣлѣ въ книгѣ нѣтъ, и небыло, даже по старымъ ея спискамъ.

Такова была первоначальная судьба „Барсовой Кожы“ до позднѣйшаго времени, т. е. до періода ея настоящаго распространенія, когда поэма Руставели вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь грузинскаго народа.

Послѣдній персидскій погромъ 1795 года, убилъ и тѣ слабыя зачатки печатнаго дѣла, которые были положены за 86 лѣтъ предъ тѣмъ, и только чрезъ полвѣка слинкомъ послѣ Ага-Магомедъ-Хапа, появился въ Тифлисѣ *первый станокъ гражданской печати*, которому пришлось печатать первый періодическій грузинскій журналъ *Цискари*, что означаетъ „Утренняя Заря.“

Что-бы еще болѣе отгѣнить личность автора „Барсовой Кожы, мы скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи дворянства духовенства и простаго народа въ старой патриархальной Грузіи,

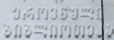
Дворянство того времени охотиѣе предпочитало перу и книгамъ мечъ и боевые доспѣхи, въ которыхъ страпа постоянно пуждалась для своей обороны. Если же изъ среды дворянства и выдавались лица посвящавшіе себя умственнѣмъ занятіямъ,—то лишь съ предвзятою мыслью обречь себя высшему духовному служенію въ званіи монашескомъ. Низшее, т. е. бѣлое духовенство, *несвободное отъ крѣпостной кабалы*, мало чѣмъ отличалось отъ крестьянскаго сословія, коснѣвшаго въ невѣжествѣ. Чтобы овладѣть, на примѣръ, простой грамотностью ребенокъ того времени долженъ былъ выдерживать цѣлыя пытки. На примѣръ, мальчикъ отдавался въ распоряженіе грамотѣя, называемаго *остати*, что значитъ „мастеръ,“ „ученикъ,“ и вотъ, послѣ исполненія всѣхъ домашнихъ работъ, начиналось самое ученіе: усѣвшисъ гдѣ нибудь въ углу, на земляномъ полу или просто на камнѣ, замѣнявшемъ столъ, уче-

никъ клалъ предъ собой засаленную четвертушку грубой синеѣ бумаги, на которой выведены были каракули, составлявшіе *букварь*. Потомъ онъ зубрилъ *молитву*, которую нельзя найти ни въ одномъ молитвенникѣ, вызубривалъ двѣ три сказки *) и тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, ученіе кончалось. Въ рѣдкихъ случаяхъ мальчику удавалось уцѣлѣть отъ палки учителя. Наказаніями служили: привязываніе къ столбу и битье палкою по синѣ или по пятамъ; для послѣдней цѣли ноги провшившагося вздергивались къ верху, продѣтыя въ ремennую петлю прикрѣпленную къ толстому, гладко выструганному песту, который во все время экзекуціи поддерживался съ обѣихъ концовъ двумя лицами изъ домочадцевъ *остати*, а самъ онъ наносилъ удары палкой или плетью. Этотъ снарядъ учебной пытки назывался *табала*, и былъ заимствованъ грузинами у персіанъ.

Если мальчикъ предназначался къ духовному званію, то его учили церковной печати по псалтырю или часослову. Не будь *бисней лопатки*, трудно сказать, многіе-ли получили-бы возможность научиться письму, такъ какъ бумага въ старой Грузіи составляла величайшую рѣдкость; даже царямъ грузинскимъ подавались просьбы на мизерныхъ продолговатыхъ доскуткахъ и разрѣшенія получались на нихъ-же, для большей экономіи.

Вотъ именно среди такихъ соотечественниковъ: родился авторъ „Барсовой Кожи“, получившій однако воспитаніе въ Греціи—въ афинскихъ школахъ, и изъ обыкновеннаго смертнаго, превратившійся въ „классика“ чистой воды и, за тѣмъ, въ славнаго грузинскаго поэта, котораго знаетъ и обожаетъ весь грузинскій народъ—до послѣдняго, буквально, человѣка.

*) Какъ напримѣръ, сказка: о *Безанъ* и *Манижаовъ* и друг.

 0410359-1
 318-711010

Значеніе симпатичной личности Шота Руставели, какъ челоѣка, совершенно какъ-то ступшевывается среди массы его стиховъ, выучиваемыхъ и повторяемыхъ на всѣ лады—въ такъ называемой—новѣйшей грузинской литературѣ и современномъ намъ грузинскомъ обществѣ.

Скажемъ болѣе: существовали и существуютъ нынѣ правильно организованные комитеты для редактированія, т. е. новаго выпуска въ свѣтъ „Барсовой Кожи“, (по мѣрѣ израсходованія напечатанныхъ экземпляровъ книги); но не существовало еще любителя или знатока грузинской письменности, котораго-бы интересовала личность Руставели „непосредственно“—какъ челоѣка и поватора. Даже извѣстный грузинистъ, бывшій профессоръ Д. И. Чубиновъ (въ Петербургѣ), не могъ сообщить болѣе подробныхъ помимо напечатанныхъ имъ въ 1846 году свѣдѣній о Руставели, кромѣ имѣющихся у насъ подъ руками. *)

Шота Руставели родился въ послѣдней четверти двѣнадцатаго вѣка, въ незначительномъ городѣ Рустави (Ахалдихскій уѣздъ Тифлисской губерніи). Слѣдовательно придаточное Руставели произошло отъ названія мѣстности; самъ-же поэтъ носилъ фамилію—Шота. Возвратясь изъ Греціи, гдѣ онъ получилъ образованіе, Шота выступилъ въ свѣтъ съ своими стихотвореніями, обратившими вниманіе грузинской царицы, Тамары, слышней, какъ извѣстно, покровительницей наукъ, поэзіи

Одинъ изъ опытовъ перевода „Барсовой Кожи“ на русскій языкъ появился въ „Иллюстраціи“ Кукольника въ сороковыхъ годахъ. Затѣмъ сокращенная передача поэмы была напечатана на польскомъ языкѣ въ журналѣ Biblioteka Warszawska—авторъ Казиміръ Ланчинскій—томъ IV, годъ 1863. Надѣнецъ въ 1885 году, въ г. Тифлисѣ, появилась въ свѣтъ книга: „La Peau de Leonarid“ d'après Chota Roustaveli—par Achas Borin; сокращенный вольный переводъ въ прозѣ, извлеченіе изъ коего приведены выше на стр. 41—50-й.

и искусствѣ. Если вѣрить преданіямъ, то царица Тамара, желая поощрить талантливаго Руставели, назначила его своимъ казначейникомъ и вмѣстѣ придворнымъ поэтомъ. Будучи такимъ образомъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, Шота Руставели написалъ свою обширную поэму *Бирсова Кожа* или, называя вѣрнѣе, „Человѣкъ въ барсовой кожѣ“ Поэма была встрѣчена вполнѣ сочувственно, читалась въ первый разъ при „дворѣ“ въ присутствіи Тамары и ея вельможъ, а Руставели, осыпанный похвалами и богатыми подарками, получилъ еще въ даръ *золотое перо*.

Но, судьба людей, бываетъ превратна: пышный и величественный поэтъ тогдашней Грузіи, столь громко начавшій свою литературную карьеру, вдругъ изъ блестящаго придворнаго щеголя неожиданно превратился въ смиреннаго юнока, т. е. монаха одного изъ Іерусалимскихъ монастырей.. По свидѣтельству грузинскаго митрополита Тимофея, путешествовавшаго въ концѣ восемнадцатаго столѣтія по „святымъ мѣстамъ,“ Руставели погребенъ въ монастырѣ Святаго Креста, гдѣ также (въ его время) хранился портретъ покойнаго поэта.

Что послужило причиною столь быстрой перемѣны въ жизни грузинскаго поэта,—пока не извѣстно, но, утверждаютъ, что наиплавнѣйшимъ поводомъ послужила любовь, пламенная, жгучая, безумная любовь, столь часто присущая горячимъ сыновьямъ нашего раскаленнаго юга!

Молодой и ослѣпленный своими первыми успѣхами на поприщѣ литературной славы, Шота Руставели влюбился... въ свою-же повелительницу и царицу, въ красавицу Тамару!...

И бѣдному поэту не прошло, конечно, даромъ его безумное въ извѣстной степени увлеченіе, и только суровая монашеская ряса, да рановременная старость примирили прежня-

го любимца Апполона и музъ съ жизнью, которая вначалѣ столь свѣтло и радостно улыбнулась молодому баловню женщинъ и счастья...

V Что преданіе о платонической любви Руставели къ Тамарѣ не есть просто вымыселъ—это можно заключить изъ самой поэмы, написанной пылкимъ, страстнымъ языкомъ, огненными стихами: *настоящимъ языкомъ влюбленнаго поэта!*

V II Поэма Руставели есть—торжественный гимнъ: „любви“ „добру“ и „красотѣ“, и главнѣйше *женщинамъ*, предъ которыми авторъ „Барсовой Кожи“ благоговѣлъ, какъ предъ лучшимъ созданіемъ природы..

Причину такого идеальнаго поклоненія грузинскаго поэта представительницамъ прекраснаго пола можно объяснить слѣдующими предположеніями:

Извѣстно, что положеніе женщинъ у всѣхъ восточныхъ народовъ было въ тѣ времена самое *уметенное*. Личность и права ихъ стояли не выше личности и правъ рабовъ. Воля или, лучше сказать, деспотизмъ мужей былъ закономъ для женъ а отцовъ для дочерей. Невѣсты выходили замужъ не по свободному выбору, а по волѣ родителей, за кого и съ какою-би цѣлью эти послѣдніе ни выдавали ихъ. Бѣдной женщинѣ запрещено было, даже и подѣ „вѣщомъ“, взглянуть на того человѣка, чьею женою или собственностью она становилась. Этотъ варварскій обычай, существующій еще и до нашихъ дней у многихъ народовъ Востока, не могъ, конечно, не отразиться на жизни „тогдашней“ хотя и христіанской уже Грузин.. Гнетъ и поправленіе правъ женщины господствовали въ грузинской семьѣ, хотя, конечно, и не въ такой степени, какъ у окружавшихъ ее мусульманскихъ народовъ. И вотъ, когда избранная грузин-

3410367-41
303-41101000

ская молодежь стала получать образованіе въ греческихъ школахъ, замѣствуя у ашпнягъ плоды славной греко-римской цивилизаціи, то они, греко-грузины, явились пионерами просвѣщенія на своей родинѣ, и съ тѣхъ временъ умственное развитіе ихъ соотечественниковъ и вообще уровень пониманія вещей сталъ замѣтно расширяться. Въ это же время не могъ, конечно, между прочимъ, не проявиться и у простаго народа взглядъ на женщину и ея человѣческое право, въ силу чего эта вѣковая, безответная страдалница, мало по малу стала освобождаться отъ непрестанно душившаго ее ига и постепенно занимать должное ей мѣсто въ семьѣ и въ обществѣ.

Шота Руставели былъ въ числѣ первыхъ пионеровъ, насадителей христіанской цивилизаціи въ средѣ своего народа и, того же Руставели, безъ преувеличенія, можно назвать первымъ бойцомъ за *эмансипацію грузинской женщины*.

Вообще говоря, новая тогда *идея* о свободномъ выборѣ невѣстами жениховъ распространилась по Грузіи въ концѣ XII вѣка, почитаемаго въ грузинской исторіи *золотымъ вѣкомъ* грузинскаго народа, во всѣхъ отношеніяхъ.

Происхожденіе своего „золотого вѣка“ грузины всецѣло приписываютъ царицѣ Тамарѣ, и по этому, надобно полагать, что вопросъ объ „эмансипаціи грузинской женщины“ послужилъ, такъ сказать, единственною *почвою*, на которой сошлись *знаменитая царица* и совершенно „безвѣстный“, но будущій *народный поэтъ* Грузіи. Постепенное затѣмъ сближеніе этихъ двухъ представителей тогдашней *цивилизующей мысли* заставило, конечно, восприимчиваго Руставели сдѣлать первый шагъ по „новому пути“, т. е. воспроизвести въ поэтическихъ формахъ выраженіе *идеи* „правственнаго совершенства“, осуществленіе которой онъ видѣлъ въ величественной, юной и пре-

красной царицѣ Тамарѣ и въ ея духовно-возраждающемъ народѣ... И вотъ, въ результатѣ такого счастливаго вѣдѣнія судьбы—явилась въ свѣтъ прелестная, оригинальная поэма *Чустовъ и нравовъ*, или „Барсова Кожа“, вдохновеннаго Тамарой Руставели.

Считая, однако, не совсѣмъ удобнымъ указывать на царственные лица, воспроизведенныя въ „Барсовой Кожи“, поэтъ—авторъ изящными чертами нарисовать ихъ въ образахъ иныхъ, какъ-бы чужеземныхъ властителей—изъ вымышленнаго имъ царства въ Индіи, *Царицу Тамару* поэтъ воспроизвелъ въ образѣ индійской царицы *Нестань Дареджанъ*, а мужа ея, *Давида-Сослана*, въ образѣ красавица *Таріеля*.

Укажемъ на нѣкоторые доводы, подтверждающіе высказанное предположеніе, а именно: Нестань-Дареджанъ, какъ видно изъ содержанія поэмы, была единственная дочь персидскаго царя Парсадана. Тамара, въ свою очередь, была единственною дочерью грузинскаго царя Георгія III. Воспитаніе Дареджанъ царь Парсаданъ поручилъ сестрѣ Даварѣ; въ свою очередь воспитаніе царицы Тамары было вѣрено Георгіемъ сестрѣ своей Русудани; она воспитывала ее вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ родственникомъ, по мужу, Давыдомъ Сосланомъ, точно также какъ и Нестань Дареджанъ воспитывали съ малолѣтнимъ Таріелемъ.

Слѣдствіемъ общности воспитанія, у Дареджанъ и Таріеля явилась взаимная любовь; царица Тамара по той-же причинѣ была привязана съ малолѣтства къ осетинскому владѣтельному князю Давиду Сослану.

Далѣе, рассматривая содержаніе поэмы, мы видимъ, что Парсаданъ, изъ политическихъ цѣлей, хотѣлъ выдать дочь свою за сына Шаха Хваразмскаго, но что Дареджанъ воспротивилась этому плану.

По сказаніямъ грузинскихъ лѣтописей, Шахъ Хваразшскій искалъ также руки Тамары и тоже получилъ отказъ.

Кромѣ указаннаго сходства исторіи Дареджанъ и Таріели съ исторіей Тамары и князя Давида, есть также сходство относительно мѣста дѣйствій героевъ Индіи съ Грузіею. Такъ напр., поэтъ раздѣляетъ Индію на *семь царствъ*, подчиненныхъ царю-царей Парсадану. По свидѣтельству грузинскаго историка *Вахушта*, отецъ Тамары, Георгій III, былъ „протекторомъ“ царствъ: Карталинскаго, Кахетинскаго, Абхазскаго, Геретинскаго, Сохтабегскаго, Рачинскаго и Осетинскаго, и именовался поэтому царемъ-царей.

Любимый супругъ царицы Тамары, князь Давидъ, былъ сынъ владѣтеля одного изъ этихъ царствъ, Осетіи, признавшей власть грузинскихъ царей надъ собою позже другихъ—подобно отцу Таріели въ поэмѣ.

Наконецъ, упоминаемая въ поэмѣ крѣпость „Каджовъ“, въ которой заключена была Нестанъ-Дареджанъ, по картамъ грузинскимъ, находилась въ нынѣшнемъ Ахалцихскомъ уѣздѣ.

Кто читалъ „Барсову Кожу“, тому извѣстно, что общее впечатлѣніе не останавливается на вводимомъ персоналѣ множества дѣйствующихъ лицъ, и что поэма всецѣло приковываетъ вниманіе читателя къ Нестанъ-Дареджанъ (Тамарѣ) и возлюбленному ея, Таріелю (Давиду), такъ какъ обаяніемъ ихъ однихъ сказывается вся прелесть поэмь. Главнѣйшія же изъ второстепенныхъ лицъ поэмы, принимающія живое участіе въ судьбѣ „первыхъ“ ея героевъ, въ то же время служатъ выразителями особо задуманной мысли или какой-либо стороны грузинской жизни, а именно: Автандиль, Тинатина, Придонъ, Асмать и друг.

Основными чертами характера двухъ первыхъ героинь поэмы, *Дареджанъ* и *Таріели*, служить выраженіе „непоколебимой супружеской любви“, основанной на „свободномъ выборѣ и разумномъ пониманіи взаимныхъ личныхъ достоинствъ“, а не исключительно на страсти или бессознательной привязанности.

Эта своеобразная характеристика „чистой любви“, въ связи съ мастерскимъ изображеніемъ національных особенностей грузинскаго народа, развита у Руставели съ замѣчательной последовательностью.

Вѣрность и привязанность царицы *Нестанъ*—*Дареджанъ* къ избраннику сердца простирается до того, что она скорѣе рѣшается огорчить нѣжно любимыхъ ею родителей „противорѣчіемъ“, нежели сдѣлаться женою нелюбимаго ею человека (*Хана Хварашскаго*). Мало того: что-бы остаться вѣрною *Таріелю* и избавить себя отъ нежеланнаго брака, она подаетъ даже своему возлюбленному мысль—умертвить сына *Хана Хварашскаго*!..

Но за это преступленіе суждено было обонимъ имъ перенести много страданій и приключеній прежде, нежели достигнуть своей цѣли. *Нестанъ*—*Дареджанъ* внезапно была похищена и увезена въ неизвѣстныя страны, но и въ этой неизвѣстности она остается вѣрной до конца своему *Таріелю*, не взирая на всѣ соблазны и долгую разлуку. Такъ напримѣръ, вслѣдъ за похищеніемъ изъ отцовскаго дома, послѣ цѣлаго ряда приключеній, *Дареджанъ* попадаетъ во власть царя „морскихъ владѣній“, который предназначаетъ ее въ невѣсты своему наслѣднику, но *Дареджанъ*, не взирая на то, что она ничего не знаетъ о судьбѣ *Таріели*, все-же не забываетъ его, и скорѣе предпочитаетъ покончить самоубійствомъ, нежели измѣ-

нить своему возлюбленному. Въ силу такого рѣшенія, молодая невѣста дѣлаетъ отчаянный шагъ—она подкупаетъ своихъ прислужницъ и бѣжитъ ночью, сама не зная куда, при помощи преданной *Патасамы*. Попавши за тѣмъ случайно къ Каджетскому царю, Дареджанъ встрѣчаетъ тѣ-же почести, что и во дворцѣ морскаго властителя, и молодой красавицѣ вновь представляется случай сдѣлаться царицею *Каджетскаго царства*, но Дареджанъ и здѣсь чужда мысли измѣнить Таріелю, и, въ слѣдствіе принужденія, она слова рѣшается на самоубійство. Но въ самую критическую минуту Дареджанъ суждено было быть освобожденной своимъ Таріелемъ и вступить съ нимъ въ давно желанный бракъ...

Характеръ Таріеля столь-же удачно воспроизведенъ авторомъ „Барсовой Кожи“, какъ и характеръ Дареджанъ. Съ момента, когда Таріель узнаетъ о похищеніи своей невѣсты, любящая его душа не знаетъ покоя, пока, наконецъ, онъ не находитъ невѣсту при помощи своего друга Автандила.

Таріель неутомимо ищетъ свою возлюбленную: повсюду борется со многими бѣдствіями и приключеніями, не теряя силы воли и не падая духомъ. И хотя, наконецъ, Таріель теряетъ всякую надежду найти свою невѣсту, но образъ любимой женщины не перестаетъ постоянно царить въ его душѣ. Въ моментъ полного отчаянія и безысходной скорби, Таріель покидаетъ людей и удаляется въ пустыню, чтобы поселиться въ пещерѣ... Тутъ, на лонѣ вѣчно юной природы, онъ живетъ лишь мыслью о Дареджанъ и потухающей постепенно надеждой—когда нибудь найти свою милую. Когда-же молодой пустыяникъ получаетъ письмо отъ Дареджанъ, то немедленно спѣшитъ съ друзьями въ Каджетское царство съ цѣлью освободить невѣсту, хотя бы это ему стоило жизни.

Развитіе характеровъ героя и героини поэмы было главной задачей поэта; но какъ содержаніе поэмы выражало собою народный эпосъ, то это обстоятельство побудило Шота Руставели ввести въ поэму цѣлый рядъ отдѣльныхъ героическихъ типовъ.

Такъ, изъ второстепенныхъ героев поэмы, первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ *Автадилъ*.

Дружба Таріеля съ Автадиломъ напоминаетъ собой дружбу Кастора и Поллукса, хотя имѣетъ еще и другую подкладку.

Молодой и пылкій Автадилъ любитъ прекрасную *Тинатину* и надѣется получить ея руку, но непредвидѣнные обстоятельства заставляютъ его покинуть родину и цѣлыхъ три года искать, по просьбѣ и порученію Тинатины, неизвѣстнаго и загадочнаго „Человѣка въ Барсовой Кожѣ“, по имени Таріеля. Онъ рѣшается исполнить порученіе „своей милой“, не взирая на предстоящія приключенія, а быть можетъ, и неожиданную смерть. И вотъ, сдѣлавшись другомъ Таріеля и узнавъ о судьбѣ Дареджанъ, Автадилъ принимаетъ такое живое участіе въ судьбѣ влюбленныхъ, что и самъ не хочетъ быть счастливымъ, пока не сдѣлаетъ такимъ-же своего друга Таріеля..

Хотя Автадилъ, по настоятельной просьбѣ Таріеля, и возвращается на родину, чтобы извѣстить царя Ростевана и Тинатину объ успѣхѣхъ предпріятія и о судьбѣ найденнаго имъ юноши, но немедленно сѣбнитъ опять назадъ на помощь къ другу—Таріелю. Любовь къ Тинатинѣ и чувство долга зовутъ его на родину, но онъ побѣждаетъ эти горячія чувства, ради высокаго и святаго чувства дружбы!

Ни слезы Тинатины, ни гнѣвъ царя не останавливаютъ молодаго героя и онъ тайкомъ бѣжитъ изъ царства и родины..

Посоветовавшись съ Таріелемъ, Автандиль предпринимаетъ далекое странствованіе съ цѣлью „отыскать“ Дареджанъ и соединить ее съ Таріелемъ.

Много труда, приключеній и опасностей стоило пылкому юношѣ это самоотверженное странствованіе, пока, наконецъ, его предпріятіе не увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Освободивъ при помощи Таріеля, Дареджанъ изъ Каджетской крѣпости, Автандиль со слезами радости присутствуетъ при обрядѣ вѣчанія своихъ молодыхъ друзей и первый поздравляетъ ихъ съ началомъ новой жизни и новаго счастья!

Этого мало: онъ не покидаетъ своего друга и въ дальнѣйшемъ. Возвратясь вмѣстѣ съ новобрачными на родину и женившись на возлюбленной своей Тинатинѣ, Автандиль собираетъ многочисленное войско и идетъ походомъ въ отечество своего друга, въ Индію, (вмѣстѣ съ Таріелемъ), чтобы отнять эту страну у незаконныхъ ея влстителей (ибо отецъ Дареджанъ, бездѣтный Парсаданъ, уже умеръ) и вручить корону индійскую Дареджанъ и Таріелю, сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ вполне счастливыми.

Слѣдующій затѣмъ герой поэмы—*Придонъ*, второй другъ Таріеля, менѣе характеренъ; заслуги его не такъ безкорыстны, какъ Автандила, оттого что, по долгу взаимности, онъ обязанъ былъ помогать Таріелю, оказавшему ему большія услуги на войнѣ противъ враговъ. Въ характерѣ Придона есть воспроизведеніе другой нравственной стороны грузинской народной жизни: это высокое понятіе народа о гостепримствѣ не только знакомыхъ и друзей, но даже и странниковъ.

Наконецъ, *Асманъ*, фрейлина Дареджанъ, представляетъ собой идеаль вѣрности и преданности своей повелительницѣ. Она, принимавшая живое участіе при первомъ знакомствѣ

Тариеля съ Дареджанъ, не оставляеть ихъ до конца. Асмать повсюду сопровождаетъ Тариеля во время его странствованій, служа утѣшительницей и поддержкой въ минуты отчаянїя и т. д.

Характеръ Асмать всего лучше обрисовывается въ разговорѣ ея съ Автандиломъ, требовавшимъ открыть ему „никогнито“ пустытника—Тариеля. Здѣсь Асмать рѣшается умереть подъ ударами кинжала, но не выдавать ввѣренной ей тайны..

Передавъ въ общихъ чертахъ содержаніе поэмы „Барсова Кожа“, скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи, *языкъ и письменахъ древнихъ грузинъ*.

Для этой цѣли, скажемъ вкратцѣ со словъ Д. З. Бакрадзе, о первоначальной грузинской лѣтописи, называемой „Картлисъ-Цховрѣба“—подлинный текстъ которой и французскій переводъ его въ свѣтъ изданы въ 1849—1857 г.г. нашей петербургской Академіей Наукъ.

„Картлисъ-Цховрѣба“, повѣствуя о происхожденіи кавказскихъ народовъ, передаетъ слѣдующее:

По ея словамъ—Армяне и Картвелы, Ралцы и Моваканци, Геретцы и Леки, Мингрельцы и Кавказцы—происходятъ отъ одного общаго родоначальника: отъ сына великаго Тарша *Таргамоса*, производившаго свой родъ отъ четвертаго колѣна Іафета и пятаго Ноя.

Изъ сыновей Таргамоса особенно извѣстностью пріобрѣли Гаосъ или Гайкъ—родоначальникъ Армянъ, за нимъ—Картлосъ, Бардосъ, Моваканъ, Лекосъ, Геросъ, Кавказосъ и Егросъ.

Первою родиною этихъ богатырей была Вавилонія. Послѣ періода, въ который строители вавилонской башни „разсѣялись“, Таргамосъ, съ своими домочадцами, поселился между Арара-

томъ и Масисомъ. Затѣмъ, двинувшись на сѣверъ, выходцы изъ Вавилоніи, заселили земли, границами коихъ служили: съ Востока-Гургенское или Каспійское море, съ Запада-Понтское или Черное море, съ Юга-горы, противъ Мидіи, населенныя Курдами, а съ сѣвера-Кавказскій хребеть, извѣстный у Персовъ подъ именемъ Эльборуса. Гаосъ при раздѣлѣ получилъ лучшую часть владѣній отца, т. е. земли между Араратомъ и Масисомъ. Потомки Кавказоса и Лекоса утвердились въ верхнихъ ущельяхъ Кавказа, получившихъ названіе Дзурдзукета и Хозаникета. Поколѣнія отъ Егроса и Карлоса заняли все пространство отъ Чернаго моря до устій Куры и Аракса, гдѣ построили города и замки.

Путиами сообщенія Грузинъ съ Кавказомъ были проходы—Дарубандскій или—Прикаспійскій и Арагвскій или опозитированный Лермонтовымъ, Дарьяльскій проходъ.

Таргамосцы, какъ сказано выше, были великаны и пользовались замѣчательнымъ долголѣтіемъ, а ихъ родоначальникъ, богатырь Таргамосъ, прожилъ, какъ гласятъ преданія, около 600 лѣтъ.

Изъ Карлосцевъ—старшій въ родѣ—имѣлъ обыкновенно резиденцію въ бывшей столицѣ Грузинъ, лежащемъ въ 20-ти верстахъ отъ нынѣшняго Тифлиса—мѣстечкѣ Мцхетъ, и назывался *мамасахлисомъ* („мама“—погрузински „отецъ“—„сахли“—„домъ“), повелѣвалъ остальными, распорядился дѣлами государства и предводительствовалъ войсками.

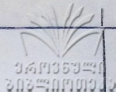
Кромѣ городовъ и мѣстечекъ, грузины жили также въ подземельяхъ, пещерахъ, пещерныхъ городахъ и въ укрѣпленныхъ замкахъ.

Эти памятники величавой, далекой, сѣдой старины существуютъ и по настоящее время. Такъ, въ семи верстахъ отъ

города Гори, Тифлисской губерніи, находится самый выдающийся изъ нихъ, а именно *пещерный городъ*, называемый „Уплись-Цихе“ (Божья Крѣпость), расположенный весьма живописно на отвѣсномъ обрывѣ скалистаго утеса, на лѣвомъ берегу р. Куры.

Вздымающіеся волнистыми гребнями обрывы „Уплись-Цихе“ прорѣзаны рядами пещерныхъ комнатъ, расположенныхъ этажами и изсѣченныхъ въ сплошномъ камнѣ. Есть большія комнаты въ нѣсколько отдѣленій съ каменными лѣстницами и малыя; первыя служили жильемъ для семейныхъ, а вторыя для одиночекъ; при комнатахъ также устроены отдѣльныя помѣщенія для скота и домашняго скарба. Нѣкоторыя пещеры снабжены углубленіями, предназначенными для храненія постелей, сидѣньями, разнообразными выступами и каменными кольцами. Въ наиболѣе обширныхъ комнатахъ приспособлены мѣста для св. иконъ, крестовъ и свѣчей; есть также резервуары, для сбора дождевой воды.

Перехода къ дальнѣйшему описанію этого чуднаго памятника старины, слѣдуетъ указать на обширныя пещеры, позднѣйшей, повидимому, архитектуры, сравнительно съ первоначальной стройкой, а именно—есть пещеры двухъэтажныя, съ колонами и арками, украшенными каменной рѣзбой, съ изящными потолками, какъ бы поддерживаемыми прекрасно изсѣченными каріатидами. Изъ цѣлаго строя Уплисскихъ комнатъ—пещеръ—особенно выдается оригинальное сооруженіе, сливающееся за бывшій дворецъ грузинской царицы Тамары. Эта пещера—дворецъ—помѣщена въ среднихъ рядахъ пещеръ, въ соседствѣ съ христіанскою церковью того далекаго времени. Сплошной каменный дворецъ Тамары отличается еще тѣмъ, что комнаты въ немъ выше и, сравнительно, роскошнѣе по рѣзной отдѣлкѣ

и снабжены отверстиями для свѣта. Въ залахъ дворца высокія ниши съ арками и карнизами; вдоль внутренней стѣны идетъ каменное возвышеніе со ступенями; своды покрыты выпуклыми шестиугольными розетками, а главная зала отдѣлена отъ приемной толстыми, отчасти нынѣ обрушившимися, колонами—весьма изящной работы; вправо отъ этой залы—въ помѣщеніи, напоминающемъ кладовую, замѣтны вкопанные въ землю кувшины для вина—грузинскіе „квеври“; въ другомъ углу видны остатки камня (бухара).

Въ этомъ знаменитомъ по своей оригинальности и красотѣ пещерно—подземномъ городѣ, есть даже *городская стѣна*, на манеръ кремлевской ограды, въ Москвѣ, съ тою лишь разницею, что мѣсто бойницъ у „пещернаго города“ занимаютъ вытесанные въ видѣ параллелограммовъ покои, духаны, лѣстницы, ворота, скамьи и проч.

Посреди города, по сосѣдству съ дворцомъ, находится вполне уцѣлѣвшая христіанская церковь, построенная при царѣ Багратѣ III, въ концѣ X вѣка, изъ кирпича. Церковь имѣетъ прекрасные своды, на коихъ сохранилась живопись и надписи на арабскомъ и еврейскомъ языкахъ. Вокругъ храма идетъ маленькая галлерей, по которой, а также и около нея, вкопаны глиняные кувшины, частью разбитые, гдѣ патриархальныя грузины приносили Господу Богу „жертвы“ виномъ. Обычай этотъ сохранился въ туземномъ населеніи Кавказа до настоящаго времени и называется „сазедаше.“

Быть можетъ и самое названіе пещернаго города—„Улльсъ-Цихе“ (Божья крѣпость) произошло потому, что въ крѣпости возведенъ Божій Храмъ; потому постройка эта и считалась подъ покровомъ мѣстной святыни.

При царицѣ Тамарѣ изъ „Уплись-Цихе“ былъ проведенъ подь сплошнымъ каменнымъ ложемъ рѣки Куры потайной ходъ къ крѣпостцѣ, находящейся тутъ-же, на правомъ берегу рѣки, а во время осады крѣпости непріателемъ войны изъ „Уплись-Цихе“ являлись на помощь къ осаждаемымъ и наоборотъ: изъ крѣпостцы въ случаѣ надобности войны и жители ближайшихъ мѣстъ по потайному ходу стягивались въ „Уплись-Цихе.“

Часть этого, тоже замѣчательнаго въ своемъ родѣ сооруженія, уцѣлѣла отъ руки времени. Потайной ходъ изъ крѣпостцы существуетъ и до нынѣ—такъ-что по подземелью ходить къ р. Курѣ за водой.

Укрѣпленный скалистой оболочкой, какъ Гибралтаръ—„Уплись-Цихе,“ былъ осаждаемъ и штурмуемъ врагами старой Грузіи нѣсколько разъ и всегда безуспѣшно, пока, наконецъ, этотъ Кавказскій—гигантъ не палъ отъ напора страшныхъ полчищъ Чингисъ-Хана.

Вообще говоря, характерный видъ этого диковиннаго города производитъ самое грандіозное, поражающее впечатлѣніе. Предъ вашими взорами стелется, вырѣзываясь на бирюзовомъ небосклонѣ, бѣло-сѣрая каменная громада, какъ-бы выставленная навстрѣчу врагамъ колоссальную грудь, похожую на массивный, тяжелый панцырь древняго рыцаря. Прихотливо разукрашенная острыми, волнистыми пластами могучая грудь этого панцырнаго великана, испещрена, на подобіе шахматной доски, безчисленнымъ количествомъ зіяющихъ черныхъ пятенъ—это пещерные входы и отдушины. У подошвы пещерной скалы—внизу, по скатой межъ горъ долинъ—вьется серебристою лентой Кура, бурливо разбрасывая сверкающія волны, по своему то-

же каменистому ложу. Повсюду кругомъ, видѣется лишь камень и камень горячо накаляемый лучами знойнаго южнаго кавказскаго солнца.

Какъ памятникъ древней христіанской святыни, „Удлись-Цихе“, заслуживаетъ вниманія еще потому, что Грузины, за 400 лѣтъ до русской христіанской эры, приняли православіе и, слѣдовательно, въ тѣ времена, когда мы, русскіе, четыре долгихъ вѣка коснѣли еще во мракѣ язычества, то славные потомки Таргамоса уже бились за свѣточъ христіанства съ могучимъ мусульманскимъ Востокомъ, беззавѣтно проливая мученическую кровь, на эти самыя пещерныя скалы и камни, бывшія нѣмыми свидѣтелями незабвеннаго прошлаго...

Грузины, или Иберы, или Картвелы, какъ называютъ ихъ до настоящаго времени—сами по себѣ—замѣчательно храбрый, пѣвучій и особенно поэтическій народъ, живымъ доказательствомъ чего служитъ знаменитый представитель ихъ типа поэтъ Руставели, создавшій 700 лѣтъ назадъ роскошную поэму, художественно сотканную имъ изъ музыки и стиховъ.

Этотъ несравненный кавказскій бардъ, подобно шотландскому пѣвцу Роберту Борису, литовскому гуслиру Владиславу Сыровомлѣ „Кондратовичъ“ и малороссійскому кобзарю Тарасу Шевченко, вышелъ непосредственно изъ народа и потому вѣчно-юныя, полныя силы и страсти пѣсни Руставели живы и свѣжи до настоящей минуты, не взирая, что пѣсни эти написаны семь столѣтій назадъ... Семьсотъ лѣтъ для грузинской Музы прошли, какъ одна минута!

Тихій, ровный, ласкающій, пѣжный, страстный и пламенный языкъ Руставели олицетворяетъ собою, какъ-бы идеалы близкіе природѣ горячаго Юга, гдѣ тропическій, палищій зной

долины и серебряными, горныя вершины вѣчнаго льда и снѣговъ, съ одинаковой любовью цѣлуются съ бездною синевою лазуреваго кавказскаго неба...

Здѣсь, говоря о Руставели, позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Одинъ изъ замѣчательныхъ мыслителей недалекаго намъ прошлаго говорилъ, что нельзя понять никакого сочиненія и никакого документа изъ прошедшаго, пока не удалось постичь то душевное состояніе, изъ котораго они произстекли, и составить себѣ представленіе о личности, отъ которой они происходятъ. Лишь такимъ образомъ документы получаютъ жизнь; лишь тогда исторія становится одушевленною; лишь, благодаря такому пониманію, произведеніе искусства или ума становится прозрачнымъ и проч. и проч...

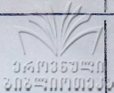
Примѣняя это изрѣченіе къ Руставели, укажемъ, что между разнообразными отзывами въ печати, наиболѣе удачная оцѣнка произведенія грузинскаго поэта принадлежитъ тифлисскому педагогу Н. П. Гулаку *).

Самымъ замѣчательнымъ опредѣленіемъ значенія „Барсовой Кожѣ“ мы полагаемъ слѣдующія слова: Вообще—говорить г. Гулакъ—если громко читать стихи Руставели, соблюдая цезуру и ударенія, то они дивно какъ гармоничны и не уступаютъ гекзаметрамъ Гомера и Виргилія.

Воспроизводя затѣмъ свое заключеніе о строѣ цѣлой поэмы—тотъ-же авторъ—продолжаетъ:

—„Обыкновенно говорятъ, что размѣръ стиховъ Руставели силлабическій, но это не вѣрно: Языкъ грузинскій, подобно

*) Г. Гулакъ напечаталъ въ 1884 году брошюру подъ заглавіемъ „О Барсовой Кожѣ Руставели.“ Брошюра эта читается легко и возбуждаетъ живой интересъ. Тифлисъ—59 страницъ.

საქართველოს
 ეროვნული ბიბლიოთეკა

всѣмъ новымъ европейскимъ языкамъ, соблюдаетъ не столько долготу и краткость звуковъ, сколько удареніе. Стихъ Руставели распадается, посредствомъ цезуры, на двѣ равныя половины: въ каждой половинѣ по три стопы, въ каждой стопѣ одно удареніе, такъ какъ каждый стихъ, подобно греческому гекзаметру, шестистопный и о шести удареніяхъ.“

Само собою слѣдуетъ, что Руставели, какъ ученикъ Афинской школы, возвратясь въ Грузію, неминуемо долженъ былъ перенести въ грузинскую литературу общіе приемы греческихъ поэтовъ, хотя и на его родинѣ существовала особая стихотворная школа, замѣтванная у Персовъ, о чемъ, впрочемъ, будетъ сказано ниже.

Коснувшись личности поэта, г. Гулакъ, не сходя съ почвы сравненій и уподобленій, весьма удачно цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ Эдгарда Кине—соч. „Revolutions d'Italie:“

—„Съ Руставели въ Грузіи повторилось тоже самое, что испытывали современные ему трубадуры на Западѣ Европы. Трубадуръ почти всегда происходилъ изъ низшаго сословія, но, благодаря своему гению, возвышенности чувствъ, онъ дѣлался временно ровесникомъ феодальной аристократіи. Онъ, дитя простонародія, съ душою, пренебреженною наивности, поэзіи, страсти, вступая въ феодальные замки, спачала ослѣпленъ блескомъ феодальной дамы, своей повелительницы, онъ едва смѣетъ поднять взоры на нее. Вслѣдствіе этого, любовь трубадура въ самомъ корнѣ зиждется на другомъ основаніи, чѣмъ любовь древности: тутъ женщина является сильнымъ, а мужчина слабымъ существомъ. Отношенія половъ какъ-бы измѣнились: женщина оказываетъ покровительство, а мужчина ищетъ опоры.“

341067-11
 303-701010-1

На сторонѣ женщины авторитетъ, приказываніе, власть; на его-же сторонѣ только робость и послушаніе подданнаго. Онъ повергаетъ свои чувства предъ особою—высокое общественное положеніе которой должно его подавлять, и которая остается для него недостижимымъ идеаломъ. На этомъ-то чувствѣ недостижимаго и зиждется феодальная любовь, до того неизвѣстная міру!...

Это какъ-бы первый идеальный брань между аристократіей и народомъ, но необходимое условіе такого союза есть тайна: нужно, что-бы его стихи, довольно прозрачныя для той, къ которой относятся, оставались не разгаданы для другихъ, и горе поэту, если его чувства были слишкомъ прозрачны... Тогда часто въ ближайшемъ лѣсу находили его тѣло пронзеннымъ стрѣлою или копьёмъ...“

Характерныя выдержки изъ брошюры г-на Гулака приведены нами съ главнѣйшею цѣлью дать мѣсто, какъ говорятъ, другимъ, такъ какъ, передавая исторію поэта, малоизвѣстнаго русскимъ читателямъ, необходимо прежде всего быть доказательнымъ, ибо поэма Руставели написана на языкѣ, распространенномъ только лишь въ предѣлахъ Закавказскаго края. Поэтому, чѣмъ больше комментаторовъ, тѣмъ уснѣшнѣе передача изучаемаго предмета.

Поэтому, памятники старины, необходимо перенести въ общую сокровищницу всѣхъ европейскихъ литературъ!

Чѣмъ скорѣе прекрасная поэма Руставели сдѣлается достояніемъ русской печати, тѣмъ болѣе шансовъ на сохраненіе, путемъ переводовъ или подражаній, и другихъ памятниковъ мѣстной письменности, которая особенно оригинальна еще потому, что получила нѣкоторую окраску отъ стяхнувшейся пыли съ преданій, залетѣвшихъ къ намъ съ береговъ священ-

наго Ганга, съ голубыхъ волнъ волшебнаго Босфора и отъ вѣчно недвижнаго, заколдованнаго Мертваго моря.

Кавказъ—край чудесъ и въ прямомъ и въ переносномъ значеніи слова и, чѣмъ болѣе будетъ интересоваться мыслящая русская публика этимъ роскошнымъ уголкомъ Юга, тѣмъ болѣе выиграютъ обѣ стороны.

О происхожденіи—же грузинскаго языка мы имѣемъ передъ собою два разнообразныя указанія.

Изъ сказаній древнѣйшихъ лѣтописцевъ видно, что въ періодъ, когда Персіане завоевали Грузію, Арменію, Сирію и всѣ восточныя греческія провинціи, то въ это время собственно въ Грузіи говорили на пяти языкахъ: армянскомъ, казарскомъ, ассирійскомъ, еврейскомъ и греческомъ, и что коренное населеніе края изъ смѣси названныхъ пяти языковъ выработало будто-бы одинъ отдѣльный, своеобразный, легкій, пѣвучій—грузинскій языкъ, на которомъ говорятъ всѣ грузины, съ нѣкоторыми измѣненіями въ Мингрелии и Саатабаго.

По новѣйшимъ-же сказаніямъ—грузинскій языкъ—съ сродными ему лазско-мингрельскимъ и сванетскимъ, образуютъ картвельскую группу, туранскаго характера *).

Мы вдаемся въ нѣкоторыя лингвистическія подробности потому, что маленькій—сравнительно съ территоріей Россіи—Кавказъ, въ его разнообразномъ и разноплеменномъ населеніи, Кавказъ говоритъ на 35-ти языкахъ, въ 42-хъ нарѣчійяхъ.

Что первые составители лѣтописи „Картлисъ-Цховреба“ находились подъ влияніемъ современной имъ греческой литературы, тому деказательствомъ служить, что родоначальники

*) Ал. Цагарели, „О грамм. литер. груз. языка.“ Петербургъ 1875 года.

племя, въ ней перечисленныхъ, носятъ имена съ греческими окончаніями, какъ-то: Таргамость, Картлосъ, Мцхетосъ, Мирваносъ и друг.—окончанія, усвоенныя съ теченіемъ времени въ грузинскомъ языкѣ, какъ литературномъ, такъ и разговорномъ *).

Вообще-же говоря, древне-грузинскій языкъ въ произношеніи тверже и выразительнѣе современнаго намъ грузинскаго языка, заглушаемаго въ разговорной рѣчи „гортаннымъ произношеніемъ“ многихъ буквъ, по подобію другихъ азіатскихъ языковъ.

Сочиненіе словъ на грузинскомъ языкѣ весьма „вольное“, на подобіе, напримѣръ, греческаго, влѣдствіе чего языкъ родины Шота Руставели крайне гибокъ и въ извѣстной степени разнообразенъ, т. е. гиперболиченъ и витіеватъ.

Фразировка грузинскаго слога весьма способна къ переноснымъ знаменованіямъ, а потому версификацію грузинскихъ стиховъ можно назвать разнообразною до крайности. Для примѣра приведемъ выдержку изъ старой поэмы въ стихахъ преосвященнаго католика Антонія—въ пѣсни къ одному изъ тринадцати сирійскихъ отцевъ—просвѣтителей Грузіи—святому Исѣ или Иисусу.

Текстъ обращенія пѣсни на грузинскомъ языкѣ слѣдующій:

„Агмосавалса самтеноса *самотхэ*,
 Клавилъ мравални беври ара *самотхэ*,
 Ара эртъ кутхедъ упроста мебръ *самотхэ*,

*) Д. З. Бакрадзе, „Объ источникахъ и характерѣ первоначальныхъ преданій Картлисъ-Цховреба, или Грузинскихъ лѣтописей. Тифлисъ—1882 года.

Гѣтивъ сѣавлится гвнкъмень Псе *самотхэ*,
 Султъ магрилобель рто пурцлованъ *самотхэ*“.

Въ русскомъ переводѣ эту пѣснь передаютъ слѣдующими
 словами:

„На востокѣ, изливающимъ свѣтъ, рай:
 Тамъ цвѣтовъ многое множество, не три и не четыре,
 Не на одной сторонѣ, но на всѣхъ четырехъ.
 А ты, Псе, божественное ученіе содѣлала для насъ
 мѣстомъ прогулки (пріятнымъ раемъ):

Оно душамъ прохлада, какъ лиственное, пріятное древо.“
 Въ пѣсни поэта архипастыря—грузина слово *самотхэ*, во
 всѣхъ пяти строкахъ, имѣетъ совершенно отдѣльное и само-
 стоятельное значеніе.

Слѣдующій и еще болѣе наглядный примѣръ замѣча-
 тельной выразительности и гибкости грузинской рѣчи, мы возь-
 мемъ у стараго грузинскаго поэта Чахрухадзе, изъ поэмы его
Тамариани, посвященной царицѣ Тамарѣ.

Этотъ небывалый въ своемъ родѣ версификаторъ—поэтъ,
 въ первыхъ строкахъ своей поэмы говоритъ:

„Тамарь—ценари, шесацкнари, хманарнари, пирццнари,
 Мзэ мцинари, сачинари, цкалимкнари, момдинари.“

По русски это значитъ:

- „Тамара кроткая, пріятная, сладкогласная, улыбаю-
 щаяся!
- Солнце-блистательная, выдающаяся, тиховодная, рѣкъ
 полной подобная!“

Безъ преувеличенія повторяемъ, что ни одинъ языкъ въ
 мірѣ, не исключая даже италянскаго и французскаго языковъ,
 не представляетъ собой такого богатаго матеріала для выра-

женіи поэтической мысли въ музыкальной формѣ слова, какъ языкъ грузинскій, въ его старомъ древне-грузинскомъ нарѣчій!

Красота и образность созвучій и метровъ выработали для старо-грузинской поэзіи слѣдующіе „типы“ или роды стихосложенія:

Первый и самый древній родъ называется *Шайри*. Онъ состоитъ изъ четверостишія, имѣющихъ на концѣ каждаго стиха одинаковую рифму.

Этимъ размѣромъ писалъ авторъ „Барсовой Кожки“, Шота Руставели.

о о — о о — о о о о — о о — о о

Ромелманъ шекма самкаро залита митъ зліерита
 Зе гардмоарсни сулита квиа зецитъ монаберита,
 Чвенъ кацта могвца кvekана гваквѣ утвалави перита
 Да мисганъ арѣ ковли хелмцине сахгта мпѣ міерита“.

Второй родъ называется *Чахрухаули*, изобрѣтенъ авторомъ поэмы „Тамаріани“, о которой мы говорили выше.

о о — о о о — о о о — о о о — о о о — о

П р и м ѣ р ы:

„Тамаръ цкнари, шесацкнари, хманариари, пирмцнари...“

и т. д.

Есть еще одинъ родъ стиховъ *Чахрахаули*, метръ конхъ слѣдующій:

о о — о о о о — о о о о — о о о — о о

Третій родъ — *Рули*, состоитъ изъ восьми стиховъ однорифменныхъ. Метръ его такой же какъ *Шайри*.

Четвертый родъ—*Замнакорули*, и состоитъ изъ трехъ стиховъ, изъ которыхъ первые два одного метра и имѣютъ одну рифму, а третій безъ рифмы и особеннаго метра.

1—2
 00—00 00—00
 3
 00—00—0—0—00

Пятый родъ—*Цкобили*, состоящій изъ восьми однорифменныхъ стиховъ.

— 0 — 0 — 0 — 0

Шестой родъ—*Нистикаури*, состоитъ изъ восьми стиховъ, разнорифменныхъ, по метру стиховъ *Чакрухаули* (втораго рода его четверостишій).

Седьмой родъ—*Лекси*, состоитъ изъ двухъ однорифменныхъ стиховъ, по образцу *Шайри*.

00—00—00 00—00—00

Восьмой родъ—*Таеки*, состоитъ изъ одного стиха, однакожъ имѣетъ рифму въ цезурѣ, согласную съ конечнымъ словомъ. Метръ его тотъ-же, какъ и *Лекси*.

Кромѣ того, у грузинъ есть еще размѣры и роды стиховъ, заимствованные ими изъ персидской поэзiи. Вотъ примѣръ одной шестистишиной ихъ пѣсни:

00—00 00—00

Ра йа гамницра паргисъ мивмартъ,
 Сисхлисъ цремлита ситквани даврте“,

По русски это значить:

„Гаданить на меня прогнѣвался, я прибѣгнулъ къ нарцизу;
 И съ кровавыми слезами слово вымолвилъ... и т. д.

Къ слову. Нѣкоторые грузинскіе лѣтописи относятся изобрѣтенію грузинскаго письма ко временамъ Фарнабаза или Фарнаоза, перваго царя грузинъ. Собственно же говоря, со временъ царя Давида—Возобновителя, молодые избранные грузины стали получать образованіе за границей. Изъ числа ихъ слѣдуетъ назвать философа Іоанна Петриція, какъ переводчика богословскихъ и философскихъ сочиненій съ греческаго на грузинскій языкъ. Во времена царицы Тамары ознаменовали себя разными сочиненіями „прозанки“: Моисей Хонель *) Саргисъ Тмогвели **) и извѣстные уже читателямъ поэты: Руставели и Чахрухадзе. Со смертію Тамары началось нашествіе Чингизь-Хана и цивилизація грузинъ рухнула на весьма долгое время... Въ тяжелое для грузинскаго народа время, любознательные люди того періода занимались персидскою литературой; всѣ почти болѣе или менѣе состоятельные князья имѣли небольшія коллекціи „персидскихъ книгъ“ и только при царѣ Иракліѣ и католикосѣ Антонѣ настала для грузинъ эпоха возстановленія утраченныхъ ими литературныхъ и нравственныхъ благъ.

Далѣе. Первымъ составителемъ грузинскаго лексикона былъ Савва Орбеліани, трудившійся надъ нимъ около тридцати лѣтъ, по повелѣнію царей Арчила и Георгія.

Лѣтописцемъ грузинскимъ былъ князь Вахуштъ Багратионъ. Нѣкоторое хронологическое сокращеніе этой-же лѣтописи написалъ католикосъ Антоній; а также въ 1800 году напечаталъ въ Тифлисѣ и свою сокращенную лѣтопись царевичъ Давидъ.

*) Авторъ романа—„Дареджаніани“.

**) Авторъ романа: „Висрамиани“ во вкусѣ переписки „Элонзы“ Руссо.

И такъ, перечисливъ выдающіеся литературныя памятники грузинской старины, переходимъ къ поэмѣ „Барсова Кожа“.

Само собою слѣдуетъ, что перевести поэму „Барсова Кожа“ дословно и съ сохраненіемъ мельчайшихъ оттѣнковъ подлиннаго ея текста, не представляется возможнымъ по двумъ причинамъ, во первыхъ: мы живемъ отъ Руставели на пространствахъ семи столѣтій времени, а во вторыхъ—исключительные обороты грузинской рѣчи, о коихъ сказано выше, не могутъ быть передаваемы съ пунктуальной точностью ни на одномъ языкѣ въ мірѣ. Поэтому, настоящій переводъ „Барсовой Кожи“ есть не болѣе, какъ чуткое, но совершенно близкое подражаніе грузинскому народному поэту въ его своеобразной, на манеръ восточныхъ импровизаций, поэзіи и отличительныхъ красотахъ роднаго ему музыкальнаго слова...

Какъ *первый христіанскій поэтъ* своего вѣка, *Шота Руставели*, начинаетъ свое произведеніе грандіознымъ гимномъ къ творцу міровъ-Богу.

БАРСОВА КОЖА.

(Введение.)

Кто создалъ Вселенную
Неземною силой, (*)
Объщаль нетлѣнную
Жизнь намъ за могилой;
Кто украсилъ землю
Свѣтомъ и цвѣтами?—
Тотъ, кому я внемлю
И хвалю устами;—
Тотъ великъ, средь высей,
Въ сонмѣ мірозданья
И прекрасный міръ сей,
Перлъ его созданья!
Кто создалъ народы,—
Чудную природу?
Боже Царь—свободы,
Дай и мнѣ свободу...
Защити въ злой долѣ,
Въ жизни дай умѣнье,
А къ „свободной волѣ“
Кротость и терпѣнье.
Смерть! и въ вѣчность капу
Я, пѣвецъ народный;

*) Въ оригиналь: „силы своей силой.“

Пусть-же я предстану
 Предъ тобой *свободный?!*

* * *

Ето пока я живъ и въ мѣрѣ
 Пребываю въ чудномъ этомъ,
 Я слагаю пѣснь на лирѣ,
 Я рожденъ тобой поэтомъ!
 Ты даешь кусокъ мнѣ хлѣба,
 Одѣявіе простое,
 Мѣръ цвѣтовъ, улыбку неба—
 Солнце вѣчно золотсе...
 Я живу далеку отъ горя,
 Дни за днями пробѣгають;
 Я поэтъ и волны моря
 Пѣсни въ честь мою слагають.
 Звѣзды, въ часъ безлунной ночи,
 Шлють привѣтъ мнѣ издалека,
 И сверкають словно очи—
 Отъ всевидящаго Ока!
 Чуденъ мѣръ твой первородный,
 Ярко блещетъ вся природа.
 Я, пѣвецъ Грузинъ народный,
 Пѣснь слагаю для народа.
 Какъ потокъ стремится звуки,
 Рифмы вяжутся толпою,
 Пусть народа дѣти, внуки,
 Пусть идутъ моею тропою.
 Пусть Грузиновъ поколѣнья,
 Размножась на этомъ шарѣ,
 Пусть читають восхваленья,
 Что слагаю я *Тамарь!..*

Льву подобна—величавой,
 Силой мощи—эта Львица
 Правитъ Грузіей со славой,
 Дѣва—солнца и Царица.
 Блещетъ царская корона,
 А въ бояхъ знамена вьются;
 Отъ златыхъ ступеней трона
 Правда, милость, блага льются.
 Весь Востокъ поетъ ей оды;
 Ей легко правленья бремя;
 Вѣкъ—Тамары, вѣкъ—свободы;
 „Золотое“ наше время...
 Вѣкъ воинственный, бурливый,
 Въ эти дни для всей вселенней,
 Есть для Грузіи счастливый
 Въ дни Тамары незабвенной.
 Дни Тамары славны, громки,
 Это истина—не грезы;
 Пусть-же вѣдаютъ потомки,
 Какъ мы лили кровь и слезы.

* *

Ильсни чудныя излейтесь
 Вы жемчужною струею;
 Люди, музы, боги слейтесь
 Въ общій гимнъ съ моею хвалою.
 Въ черномъ бисерѣ купаю
 Я перо, хрусталь нагретый,
 И къ сравненьямъ приступаю
 Словно рабъ мечтѣ покорный:
 Бисеръ—очи у Тамары,
 Стань ея—хрусталикъ стройный,

Взглядъ, страшнѣе Божьей кары:
 Нѣжно-свѣтлый, грозо-знойный.
 Поступь, мягкость всѣхъ движеній,
 Граціозны какъ у Львицы,
 Выше всякихъ выраженій,—
 Какъ у истинной Царицы!

* * *

Мнѣ позволили сравненья,
 Но сравненій не хватило:
 Слово—даръ, но пѣтъ умѣнья
 Словомъ выразить *смотило!*

* * *

Я возьму свинець тягучій,
 О кремень ударю жесткій,
 Минераль, собой могучій,
 Весь разсыплется на блески...
 Такъ и сердце у муцины
 Сердцу женскому отвѣтно:
 Безъ сознанья, безъ причины
 Отдается безавѣтно...

* * *

Да! теперь мнѣ нуженъ разумъ,
 Сила слова огневая,
 Что-бъ чарующимъ разговоромъ
 Жить, Тамару воспѣвая...
 Нужно свѣтлое искусство,
 Краски яркія и сила,
 Чтобъ пламенное чувство
 Не взяла съ собой могила!

Что-бы пѣсни ураганомъ
 Пронеслись на эту тѣму,
 Что-бы забвенія туманомъ
 Не застлало мнѣ поэму.
 Я хочу, чтобъ мѣръ унылый
 Зналъ, любилъ-бы пѣсню эту,
 И что-бы вѣтеръ легкокрылый
 Разносилъ ее по свѣту.

* *

Я поэтъ, а въ мѣрѣ этомъ,
 Всѣхъ судьба насъ отмѣчаетъ:
 Озаривъ таланта свѣтомъ,
 Пышно лаврами вѣнчаетъ!
 Потому... герой мой главный,
Таріели знаменитый,
 Вамъ предстанетъ гордый, славный,
 Рыцарь лаврами увитый...
 Онъ въ исторіи воспѣтый,
 Былъ герой грузинской славы,
 Въ *кожу барсову* одѣтый,
 Легендарный, величавый.
 Онъ въ бояхъ какъ левъ спокоенъ,
 А въ любви пѣжнѣй свирѣли!
 Вотъ кто былъ грузинскій воинъ
 Несравненный *Таріели*...

* *

Идите такъ, какъ дѣды пѣли,
 Внучи будущихъ временъ;
 Я-же, Шота Руставели,
 Даромъ пѣсни одарять.

Пѣнь моя волной влокочеть,
 Бурно бьется, какъ каскадь,
 Голосъ мой проникнуть хочеть:
 Въ небо, въ землю—свѣтъ и адъ!
 Красота мнѣ идеаломъ
 Служить въ жизни день отъ дня;
 Въ бесконечно этомъ маломъ:
 Миръ великій... для меня!
 А любовь есть грань завѣта:
 Путь и къ сердцу, и уму;
 Море внутренняго свѣта,
 Озаряющаго тьмѣ...
 Чувствомъ я „мірамъ“ внимаю—
 Полонъ образовъ и грезъ,
 Чувствомъ мысленно взлетаю,
 Какъ орелъ я до небесъ...

* *

Жейтесь слезы, сердцу больно,
 Грудь закована въ броню;
 Этотъ міръ любя неволью,
 Я, подчасъ, его браю...
 Прозу жизни: радость, горе,
 Въ форму рифмы вылилъ я;
 И стихи блестятъ какъ море,
 Какъ алмазная струя...

* *

Про любовь теперь два слова.
 Я какъ сказку расскажу;
 Сказку старую за—ново—
 Я въ стихи переложу.

Да! для женщины—избранникъ
 Долженъ быть блестящъ собой:
 Веѣмъ остоинствамъ онъ данникъ,
 Сынь, отмѣченный судьбой.
 Мудръ и свѣжъ, могучей силой
 Долженъ слова обладать;
 Щедръ и нѣженъ, что-бъ для милой
 Могъ онъ рай земной создать.
 Чистъ—отъ грязныхъ думъ, мечтаній—
 Возмужалости порой,
 Въ комъ-же нѣтъ сихъ сочетаній,
 Тотъ въ любви ужъ не герой.

* *

Свѣтъ „любовь“ съ „развратомъ“ вяжетъ,
 Но развратъ не есть любовь;
 Кто любилъ, тотъ вѣрно скажетъ:
 „Внавъ въ развратъ, не любить вповъ! V
 Ясна очень здѣсь граница
 Чувства чести и стыда:
 Здѣсь—„животные“, тамъ—„лица“ V
 Не смѣшайте никогда!

* *

Не любовь—объятыя, слезы,
 Поцѣлуй наглеца;
 Возбужденіе и грезы,
 Иль любзанья безъ конца.
 Есть секретъ любви свободы:
 Пусть любовь есть тайна доухъ! } V

Тайна чудная природы,
Гдѣ царить надъ плотью духъ...
И тогда у алтаря
Вдохновенный этой силой—
„Онъ претерпитъ гнѣвъ Царя,
Но исполнить волю милой!“

* *
*

Не любовь—кто разбираетъ
Красоту, какъ ви́шній даръ;
Тотъ природу презираетъ;
У того страстей угаръ!

* *
*

Для меня любви гаданья,
Звоиный призракъ, просто дымъ!

✓ Миѣ дались одиѣ страданья:
Я люблю, но... не любимъ!

Испытавъ любви митарства,
Я прошу „ее“: „вели

Дать цѣлебнаго лекарства
Пль могилу вглубь земли!“

* *
*

Помня авторскую совѣсть,
Долженъ вамъ я передать,
Что у Персовъ эту повѣсть
Взялъ я съ цѣлью въ свѣтъ издать.
Смысль ее одѣлъ въ порфиру,
Слово—въ перлы нанизалъ,

И свою настроивъ лиру,
Повѣсть въ „рифмахъ“ написать.

И моимъ угасшимъ взорамъ
Нужно вновь сіянье дня,
Что-бъ широкимъ кругозоромъ
Жизнь глядѣла на меня.

✓ Хоть любви и сердце просить,
Но боюсь ея затѣй,

✓ Дальше мысль меня уносить
Отъ любви и отъ людей...

* *
*

Каждый въ жизни этой воленъ
Управлять самимъ собою;
Но и каждый быть доволенъ
Долженъ „посланной“ судьбою.

И слагая такъ всецѣло
Этотъ терминъ неизмѣнный:

Пусть-рабочій знаетъ *дѣло*,
Воинъ знаетъ *кличъ военный*.

Даже тотъ, кто въ низшей долѣ
Жить себя не приучаетъ,

Пусть живетъ „свободной волей“,—
Свойства сердца изучаетъ.

И тогда, какъ лучъ денницы,
Вспыхнетъ чудно предъ очами:

Свѣтлой мудрости границы
Для него блеснутъ лучами..

* *
*

Мудрость есть и въ нашемъ словѣ,
Духъ поэзію являетъ,

Мысль безъ слова какъ въ оковѣ; 34936740
20870901950

Слово душу окрыляетъ.

Слово есть разсадникъ „слога“,
Сочетаній формъ прелестныхъ,

Слово вѣдь, слагая строго,
Наукаетъ безсловесныхъ.

Говоръ длинный и несвязный,
Неуклюжія картины

Облекаетъ въ блескъ алмазный
И въ сапфиры и рубины...

* *
*

Если конь, красую чудный,
Вьется, сбруею звеня,

Нуженъ путь далекій, трудный,
Что-бъ ѣздокъ цѣнилъ коня.

Если бьютъ, гремятъ лгтавры
И борцы на бой идутъ,

То стяжать чтобъ съ боя лавры,—
Нужны: ловкость, сила тутъ.

Такъ поэтъ могучей властью
Создаетъ себѣ кумиръ

И, огня душевной страстью,
Въ бой зоветъ онъ цѣлый міръ.

И звучать тѣ пѣсноуѣнья,
Пѣсни длинной и живой,

Пѣсни полной вдохновенья,
Пѣсни чудно-огневой...

А поэтъ... не по призванью,
Есть писака—не пѣвецъ;

Онъ, по общему названью,
Средь живыхъ людей „мертвецъ!“

Богъ! спаси насъ отъ урода;
 Пусть его не знаетъ свѣтъ;
 Нуженъ намъ пѣвецъ народа,
 Чистый, призванный поэтъ!
 Нуженъ намъ, укажемъ снова,
 За поэзію боецъ;
 Нуженъ намъ хранитель слова
 И его живой творецъ...

* *

Не поэтъ, кто для соблазна
 Двѣ—три пѣсни пропоеть;
 Эта сила безобразна,
 Это просто идиотъ!
 Эти люди духомъ—нищи,
 Ихъ поэзія задоръ;
 Нѣтъ у нихъ духовной нища,
 Умъ и сердце—чистый вздоръ!

* *

Всѣ убогія творенья
 Только вывѣска, ярлыкъ,
 И патентъ для пѣснопѣнья
 Въ стихотворный ладь и крикъ!

* *

Не поэтъ, кто силъ не чуетъ
 Душу словомъ потрясти,
 Кто пороковъ не бичуетъ,
 Кто не смѣетъ *осерхъ расти!* (*)

*) Замѣчательное выраженіе поэта, неизмѣющее себя подобной ни въ одной изъ иностранныхъ литературъ.

Пѣснь его подобна луку
 Съ стрѣлкой, въ мальчика рукахъ:
 Онъ нагонитъ только скуку
 Иль улыбку на устахъ.
 Онъ стрѣлокъ по мелкой дичи,
 Крушной онъ боится самъ;
 Какъ его ни возвеличи,
 А въ итогѣ: выйдетъ хамъ! (*)

* *

Третій родъ поэтовъ годець:
 На гулянкахъ, на пирахъ;
 Съ ними онъ по духу сроденъ,
 Какъ съ могилой сроденъ *прахъ!*
 Всѣ писаки этой шапки
 Не страшны; и мало бѣдъ:
 Это, просто, попрошайки
 На пріятельскій обѣдъ!
 Ихъ врагъ всегда не-ново,
 Хоть какой не-есть сумбуръ:
 Пусть лишь лепо и толково,
 Скажутъ ловкій калямбуръ!

* *

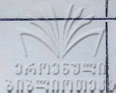
Жить!.. поэтъ кто ель таланта
 Не бросаетъ безъ нужды;

*) Здѣсь переводъ неудаченъ, но мы не могли подобрать болѣе подходящаго сравненія.

И кто съ силою гиганта
Чуждъ и злобы и вражды.
Кто идей вдохновенный,
Жизнь въ поэзиі найдетъ
И, храня огонь священный,
Съ нищъ въ могилу низойдетъ!
Онъ могучъ и онъ незлобенъ;
Онъ поэтъ родной всѣхъ странъ;
Онъ излить на міръ способенъ
Музыкальный океанъ...

ВЪНЧАНІЕ НА ЦАРСТВО *)

(Поэма Руставели, по старогрузинскому списку).

І

ТИНАТИНА.

Жиль на свѣтѣ царь счастливый,
Царь арабовъ—Ростеванъ;
Мудрый, добрый, справедливый,
Повелитель многихъ странъ.
Онъ своей рукою сильной
Побѣждалъ богатырей;
Данью подданныхъ обильный,
Былъ онъ Царь Семи Царей;
А въ дѣлахъ суда, совѣта
Мечъ—онъ словомъ замѣнялъ;
Свѣтлой силой мысли свѣта:
Краснорѣчіемъ плѣнялъ!!!

У Царя, какъ свѣтъ Востока,
Какъ огонь живыхъ лучей,
Дочь была—зѣница ока,
Свѣтъ и блескъ его очей.
Подъ роскошнымъ небомъ Юга,
Въ царствѣ нѣги и тепла,
Средь невнячнаго досуга

*) Отрывокъ изъ настоящей поэмы былъ помѣщенъ въ тифлисской газетѣ, „Новое Обозрѣніе.“

Роза южная цвѣла.
 Какъ брильянты на коронѣ
 Сбюютъ блескъ, лаская взоръ,
 Такъ въ Аравіи, на Тронѣ,
 Дочь Цари плѣнила Дворъ.
 Какъ волшебная картина
 Въ грезахъ чаръ—волшебномъ снѣ—
 Такъ блистала Тинатина
 Въ зачарованной странѣ:
 Въ той странѣ, гдѣ лучъ денницы
 Вѣчно ярокъ какъ кристалъ,
 Гдѣ красавицы-дѣвицы
 Выше лести и похвалъ;
 Гдѣ въ горахъ Духъ Горный рѣбеть,
 Съ эхомъ горъ волна пость;
 Гдѣ гранатъ коралломъ зрѣбеть
 И магнолія запахъ леть.

Въ день, когда Амуръ шуточно
 Бросилъ чудный свой рѣзецъ,
 Изваившій всѣмъ на диво
 Цѣль для вздоховъ и сердецъ;
 Въ день, когда у Дѣвы пѣжной,
 Въ жизнь невѣдавшей тревогъ,
 Первый вырвался млечный,
 Безотчетный женскій вздохъ,—
 Ростеванъ, призвалъ къ совѣту,
 Всѣхъ вельможъ своей страны,
 Чтобы разуму и свѣту
 Дать просторъ живой волни.

Царь сказалъ: Велѣньемъ силы,
 Я вашъ царь, страны отецъ,
 Слышу вѣянье могилъ,
 Чую близкій мой конецъ.
 Такъ въ саду цвѣтовъ роскошный

Ароматом напоенъ,
 Чуетъ бурю—вихрь полночный,—
 И цѣбтовъ грозой сраженъ!
 Гаснетъ свѣтъ—и тьма ночная
 Застылаеть океанъ;
 Время сильное, сгиная,
 Одряхлаеть стройный станъ.
 Я ужъ старъ; мой недугъ—время;
 Съ нимъ борьба есть трудъ пустой;
 Тяжко мнѣ пражленья бремя,
 Съ „бесконечной“ суетой.
 Но, проживъ былые годы
 Въ безмятежной тишинѣ,
 Я хочу мои народы
 Осчастливить ужъ вполнѣ.
 Нѣтъ Наслѣдника мнѣ сына:
 Не взирая на свой полъ,
 Пусть возседеть Тинатина
 На Аравин престоль!“

„Не смущайся, нашъ властитель,
 Не страшись обилья лѣтъ,
 Царь-царей, судьбъ вершитель,
 Солнца пынный долгій свѣтъ!
 Ты краса садовъ вселенной;
 Аромать твоихъ рѣчей
 Остается неизмѣнный,
 Какъ потокъ живыхъ лучей;
 Вѣдь изъ звѣздъ, что зрится окомъ,
 Не сравнитья ни одной
 Въ блескѣ яркомъ и глубокомъ
 Съ тихо меркнувшей луной...

Отклони сомнѣній тучи,
 Вѣрь молвъ своей страны:
 Силы царскія могути

Въ дни и мира, и войны.
 Ты силенъ въ любви народа,
 Чувствомъ пламеннымъ, свитымъ,
 Отъ котораго невзгода
 Разлетается какъ дымъ.
 Пусть-же царь нашъ, Богомъ—данный,
 Отогнавъ сомнѣнья прочь,
 Тронь твой славный, златотканый
 Запнмасть твою Дочь.
 Солнца лучъ передъ закатомъ,
 Словно зорька на зарѣ,—
 Брызжетъ жемчугомъ и златомъ
 Въ свѣтлой радужной игрѣ.
 На безоблачномъ просторѣ
 Пурпуръ вьется огневой
 Разливался, словно море,
 Надъ прозрачной синевой.
 Солнце—Ты, а пурпуръ жгучій,
 Что цѣлуетъ небеса,—
 Дочь Твоя, ростокъ могучій,
 Всей Аравіи краса!

Вѣримъ мы, что Дѣва эта—
 Божій даръ, на много лѣтъ,
 Море радужнаго свѣта,
 Нѣжныхъ лилій—нѣжный цвѣтъ.
 Управлять своимъ народомъ
 Ей внушишь умѣнье Ты;
 Дѣва, царственная родомъ,
 Носитъ царскія черты.
 Вѣдь дѣтенышъ крови Львиной—
 Равенъ: Сынъ онъ или Дочь;
 Кровь Царей надъ Тинатиной
 Явитъ царственную мощь!

АВТАНДИЛЬ.

Сынъ вождя, вождями правиль;
 Кипарисный стройный станъ:
 Вождь, котораго поставиль
 Надъ вождями Ростеванъ!
 Онъ, гроза военной доли,
 Съ сердцемъ, твердымъ, какъ алмазь,
 Сталь рабомъ чужой неволи,—
 Сталь рабомъ „прелестныхъ глазъ“.
 Очи юной Царь-Дѣвицы
 Огонекъ въ груди зажгли,
 А пушистыя рѣсницы
 Въ мѣръ мечтаний унесли...

Затаивъ въ душѣ глубоко
 Сердца юнаго весь пылъ,
 Жилъ печально, одиноко
 Вождь арабовъ Автандиль.
 Такъ ручья чуть слышный лепеть,
 Въ свѣтлой струйчатой игрѣ,
 Листьевъ нѣжный шумъ и трепеть
 Будить сумракъ на зарѣ.
 Но пока, струямъ внимая,
 Сумракъ дымкой улетитъ,
 То печаль любви нѣмая
 Сердце юное мертвитъ...

Автандиль о царской волѣ
 Съ чувствомъ трепета узналъ.
 Тинатину на престолѣ
 Встрѣтилъ цѣлый хоръ похвалъ.
 И слегло покрывало,
 Что отъ всѣхъ ревниво встарь

Дѣву юную скрывало,
 Такъ какъ дѣва стала—Царь!
 Нынѣ вождь со всею знатью
 Новой жизнью будетъ жить
 И съ своей военной ратью
 Дѣвъ царственной служить.

РОСТЕВАНЪ.

Въ тотъ-же день, Царя велѣшьемъ
 И народамъ на показъ,
 Въ городахъ, по всѣмъ селеньямъ
 Издавъ былъ такой указъ:

„Я, Арабовъ повелитель
 И владыка Ростеванъ,
 Царь семи—Царей, властитель
 И Владѣтель многихъ странъ,
 На Престолъ, мнѣ Богомъ данный,
 Тинагину возвожу
 И у ногъ ея, Вѣнчанной,
 Власть семи Царей сложу.
 Лучезарнымъ солнца свѣтомъ
 Пусть живить народъ она;
 Словомъ мудрости, привѣтомъ,
 Красотой озарена.
 Пусть идутъ мои народы
 Передъ Троицъ ея златой:
 Судьи, войско, воеводы,
 И кунецъ, и рабъ простой,
 Славьте юзую Царицу
 Громоу пѣсенъ и похвалъ,
 Подъ поющую цѣвницу,
 Гроу литавръ и звукъ кимвалъ“ .

Какъ потокъ стеклись народы,
 На призывный кличъ Царей;
 Дѣти Юга и свободы
 И страны богатырей.
 Бархатъ, шелкъ, знамена цеховъ,
 Золотой брони парядъ,
 Звонъ оружія, доспѣховъ
 Очаровывали взглядъ.
 Авандиль, какъ воеждъ, съ Сократомъ—
 Старымъ визиремъ Царя—
 Ставятъ Тронъ, обитый златомъ,
 На подобье алтара.

И узрѣлъ народъ Царицу;
 Царь, введи ее на Тронъ,
 Облекаетъ въ багряницу,
 Въ Царскій сайтъ „Семи-коронъ“,
 Весель Царь, его сѣдины,
 Какъ вершинамъ снѣжныхъ горъ;
 Черный локопъ Тинатинъ
 Вьется змѣйкой, манить взоръ.
 И она въ вѣнцѣ-коронѣ,
 Съ свѣтомъ мудрости въ очахъ,
 Красовалася на Тронѣ,
 Съ багряницей на плечахъ.

Стихло все... Народъ толпами,
 Отступивши въ сторонѣ,
 Предъ Царицею главами,
 Преклонился въ тишинѣ...
 Трубный звукъ прервалъ молчанье,
 Но толпѣ какъ громъ прошелъ,
 И свершилося вѣнчанье
 На Аравіи престоль.
 Полный блескъ, величье славы,—
 Дѣва трепета полна;

И, потупясь величаво,
Тихо слезы льетъ она.

Какъ ручей блеститъ хрустальный
Межъ кустами алыхъ розъ,
Такъ Царицы видъ печальный
Быль прекрасенъ въ струйкахъ слезъ.
Тяготитъ ее корона,
Страхъ въ душѣ ея царить:
„А достойна-ли я Трона?“
Тихо дѣва говоритъ.

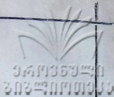
„Дочь моя, улыбкой ясной
Замѣни печаль лица;
Подыми твой взоръ прекрасный
И внимай словамъ Отца:
Нынѣ я тебѣ вручаю
Власть и силу для борьбы:
Семь народовъ поручаю
И семи Царей судьбы.
Царствуй мудро, справедливо,
Кроткой розою цвѣти,
И врагамъ твоимъ на диво
Славу въ мѣръ обрѣти.
Солнце равно освѣщаетъ
И цвѣты, и грязный соръ:
Пусть-же милость насыщаетъ
И рабовъ, и пышный Дворъ.
Не жалѣй благихъ даяній,
Пышныхъ царственныхъ щедротъ;
Чувство ищетъ излияній:
Кто привязанъ—связанъ тотъ!
Всѣхъ дари, помимо сана,
Царь вѣдь щедръ и прозорливъ;
Щедрость—волны океана:
За отливомъ жди приливъ.

Какъ цвѣтущій финикъ рай,
 Щедрость дасть Царямъ плоды,
 Вѣроломный нравъ смиряя
 На подобіе узды.
 Пища въ пользу для народа;
 Прохладителешь шербеть;
 Но хранить ихъ безъ расхода—
 Въ этомъ вовсе пользы нѣтъ:
 Что подашь—себѣ въ добро-же,
 Въ пользу явную всегда;
 Не подашь—твое добро-же
 Пропадетъ безъ слѣда!....“

Словно день цвѣтущій мая,
 Нарядился въ свой уборъ,
 Слову мудрости внимая,
 Просвѣтлѣлъ Царицы взоръ.
 Пиръ веселый и обильный
 Загремѣлъ подъ неба сводъ;
 Ростеванъ богатый, сильный
 Угощаетъ свой народъ;
 Съ нимъ и юная Царица;
 Какъ брильянтъ горитъ она,
 Съ солнцемъ споритъ Царь-Дѣвица,
 Ягучей прелести полна...

Вотъ она итти въ златницы
 Повелѣнье отдастъ,
 И сокровища Царицы
 Принести передъ народъ.
 Слуги быстрыми руками
 Исполняютъ тотъ приказъ:
 Все, что было за замками,
 Засверкало на показъ;
 Все, что съ дѣтскихъ лѣтъ хранила,
 Что конила съ года-въ-годъ,

Все Царица разсорила
Золотымъ дождемъ въ народъ.

Вновь приказъ даетъ Царица:
Табуны пригнать коней;
Снова щедро Царь-Дѣвица
Даритъ призванныхъ гостей.
Щедрость царскую явила
Дѣва юная вполнѣ:
Съ каждымъ гостемъ раздѣлила
Долю въ царственной казнѣ!
А народъ, послушный влечу,
Будто волны насѣдалъ,
Словно грабилъ онъ добычу
И какъ хищникъ нападаль!

Такъ въ спокойствіе лазури
Съ горныхъ высей ураганъ
Гонить, рветъ, при воѣ бури,
Облаковъ залетныхъ станъ.
Взяли все... чередовались,
Шумъ улегся, какъ гроза,
Массой въ массѣ красовались:
Конь арабскій... бирюза!
Пиръ идетъ ... пѣвецъ на лирѣ
Шлетъ Царямъ хвалы, привѣтъ;
Нѣтъ забытаго на пирѣ:
Безъ подарковъ гости нѣтъ!

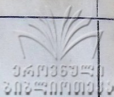

ЦАРСКАЯ ОХОТА

III

Шумно шло Царей веселье,
Хорь Царицу прославляль;
У Царицы н-о-в-о-с-е-л-ь-е
Царь весельемъ оживляль!
Вдругъ... и Царь взглянулъ угрюмо,
Смокъ понурясь тяжело,
Неотвязной, горькой думой,
Затуманилось чело...
Говорь стихъ, народъ тревожно,
Зашепталъ постороннамъ,
— „Что случилось?“ — осторожно
Проносилось — здѣсь и тамъ...

Автандиль, утѣха взоровъ,
Предводитель битвъ и игръ;
Левъ по силѣ, бичъ раздоровъ,
Ловкій, гибкій словно тигръ.
Вмѣстѣ съ нимъ Сократъ согбенный,
Визирь стараго Царя,
Взоръ подъявши изумленный
Разсуждали, говоря:
— „Отчего, темнѣе ночи
Съ тяжелой думой на челѣ,
Царь потушилъ грозно очи,
Преклоняся къ землѣ?
— „Нѣтъ причинъ его печали;
Миръ прекрасенъ какъ всегда;
Прежде взоръ не омрачали
Злые думы никогда.“

Подойдемъ... къ Владыкѣ смѣло
 Подойдемъ мы—съ двухъ сторонъ—
 И спросилъ: въ чемъ же дѣло,
 Отчего печаленъ онъ?
 Или скажемъ „прибаутки“,
 Безъ затѣй и дальнихъ думъ;
 Царь вѣдь любитъ смѣхъ и шутки;
 Самъ имѣя острый умъ!“

Тихо всталъ Сократъ согбенный,
 Автандиль, какъ пальма всталъ,
 И наполнивъ кубокъ цѣнный
 Проходили въ тронный залъ.
 У престола пышной сѣни,—
 Предъ блескомъ Царскихъ силъ—
 Опустились на колѣни
 И Сократъ и Автандиль.
 Преклоняясь шаловливо—
 Съ словомъ острымъ точно мечъ—
 Сталъ Сократъ краснорѣчиво
 Излагать такую рѣчь:

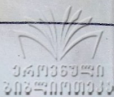
— „О, Арабовъ Царь—Владыка,
 Насъ томитъ твоя печаль!
 А печаль-то не велика:
 Денегъ Царь тебѣ вѣдь жаль...
 Мечеть золотомъ Царица;
 Рветъ твой царскій капиталъ;
 Одѣляетъ Царь-Дѣвица
 Всѣхъ... кто подъ-руку попалъ!
 Вѣдь вольно-же т-р-о-н-ъ, съ к-а-з-н-о-ю,
 Отдавать тебѣ за-разъ?
 Такъ винись своей виною
 И не хмурься Царь на н-а-с-ъ!“

Шуткѣ хитраго Сократа
 Царь смѣялся отъ души;

Рѣчи Визира — магната
 Вышли чудно-хороши....
 „Да, умно!“ сказалъ Властитель,
 — „Славно сказано Сократъ,
 О, лукавый измыслитель
 Ты хитеръ, какъ дипломатъ.
 Но скунымъ меня едва-ли
 Можно въ истину назвать;
 Это такъ — себѣ сказали,
 Что-бы шутку мнѣ сказать!..

— „Нѣтъ!.. не страхъ меня печалить,
 И не скупость сердце жметъ,
 Старый кравчій душу жалить,
 Время страшное не ждетъ...
 Вся Аравіа цвѣтами,
 Какъ вѣнцомъ озарена,
 Гдѣ-же войны межъ нами!
 Кѣмъ сильна моя страна?
 Въ часъ для утренней молитвы,
 Въ морѣ крови и огня,
 Пль на полѣ грезной битвы,
 Кто замѣнитъ вамъ меня?
 — „Дочь-Царица Тинатина—
 Въ иѣгѣ—въ радости выросла,
 А Наслѣдника мнѣ сына
 Въ даръ судьба не принесла....
 Хоть-бы тѣбѣ стрѣлка лихово,
 Молнєеноснаго стрѣлка,
 Хоть-бы призракъ удалово
 Въ мячъ и въ палки игрока..
 Есть .. похожее.. не много..
 Словно вѣтеръ въ тяжкій зной,
 Автандилъ.. судя не-строга—
 Но и тотъ... воспитанъ мной!..

Гордо Вождь словамъ внимаешь,
И оружіемъ звеня,
Молча взоръ свой поднимаетъ,—
Полный жгучаго огня.

И улыбкою прекрасной
Серебрится юный смѣхъ;
Будто лучъ восхода ясный,—
Въ лонѣ свѣта и утѣхъ—
Такъ волна струею зыбкой
Гонитъ волнъ летучихъ станъ.
„Что скрываешь ты улыбкой?
Вопрошаетъ Ростеванъ.

„Что тебя такъ забавляетъ?

„Государь!.. я веселюсь,
Что же мысль въ меня вселяетъ
Словомъ выразить боюсь...
Страшно мнѣ, коль рѣчью гибкой,
Давъ живой просторъ словамъ,
Я невольною ошибкой
Причину досаду Вамъ.
Я боюсь, что рѣчью страстной
Омрачу всю радость дня;
Государь! рукою властной—
Смѣлымъ сдѣлайте меня?

„Не случилось, что-бъ сердился
Я за смѣлость на тебя;
Смѣльчаками я гордился,
Смѣлость чуткую любя.
Дней моихъ лучемъ заката
И Царицей поклонусь,
Свѣтомъ глазъ ее—агата,
Что тебя я... не коснусь!

„Государь, моей стрѣльбою
Не сравнюсь, я знаю самъ,

Съ Вашей сильной тетивою,
 Но..... помѣряться-бы намъ?!
 Вы стрѣлокъ, тетива вьется
 Словно пухъ въ рукахъ у Васъ;
 Слава громомъ отдается
 На Аравію..... Кавказъ....
 Но закладъ иное дѣло:
 Въ бой мы войско призовемъ,
 И при немъ сразимся смѣло,
 Какъ врага мы смѣло рвемъ.
 Я Вашъ прахъ..... послѣдье—слѣда;
 Я не равенъ по борьбѣ;
 Но меня манитъ побѣда
 Состязанія въ стрѣльбѣ.....

„Не спущу твоей отваги!
 Царь сказать съ улыбкой вновь:
 Соберемъ звѣрей ватаги
 И прольемъ ихъ моремъ кровь!“

„Государь! стрѣлать намъ нада,
 Пылко вскрикнулъ юный Вождь:
 „А рѣшить пусть цѣль заклада
 Стрѣль и коній грозный дождь.
 Есть свидѣтели для боя,
 Сердце вѣщее щемитъ,
 Чуетъ, рвется, ретивое,
 Что побѣдный громъ гремитъ!

Снова паръ волною льется,
 Снова общій дружный смѣхъ,
 По чертогамъ раздается —
 Оживляя шумно всѣхъ.
 Принялъ Царь Вождя условия,
 Что борьба для нихъ, для двухъ,
 Войско, цехи, всѣ сословья,
 Охватилъ геройскій духъ.

Рѣшено: кто одолѣтъ,
Тотъ поставитъ приговоръ,
Что другой носить не смѣтъ
Головной—три дня—уборъ!

Ровно дюжины придворныхъ
Въхатъ Царь съ собой велѣлъ;
Выбралъ ловкихъ и проворныхъ,
Для подачи копій, стрѣлъ.
Вождь позвалъ лишь Шермадина,
Удальца изъ удалцовъ;
Онъ одинъ для господина
Стоилъ дюжины бойцовъ.
И считать убитыхъ вѣрно,
Повелѣнье было имъ;
Бой вести имъ всемъ примѣрно,
Но, сражаться лишь двоимъ.

Для засады и въ облаву
Царь послалъ рабовъ и слугъ,
Что-бъ устроить бой на славу;
Поле битвы лишь для двухъ.
Славныхъ войскъ своихъ дружины
Приглашаетъ Царь съ собой;
Что-бъ рѣшили исполны:
Кто сорветъ побѣдный бой....
Конченъ пирь..... торжествовали,
Пирь гремѣлъ подъ неба сводъ;
Славно, шумно ликовали,
Дворъ и войско и народъ.

Чуть зари блеснула свѣтомъ,
Тихо вспыхнулъ небосклонъ,
Авандиль къ зарѣ съ привѣтомъ
Вѣдетъ, свѣтомъ озаренъ;
Бѣлый конь, чалма золотая,
Пурпуръ таетъ на устахъ;

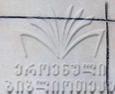

Ткань парчей перевитая
 Блещетъ золотомъ въ цвѣтахъ.
 Точно лилія изъ рай,
 Что росой увлажена,
 Вождь сіяетъ.... ожидая
 Государя у окна.....

Вышелъ Царь и кони взвились,
 Поцеслись, какъ ураганъ;
 Люди буйнымъ вихремъ сбились
 Какъ волна съ волной въ буранъ.
 Загудѣлъ просторъ и поле,
 Встрепенулись: звѣри, дичь,
 На широкой, буйной волѣ,
 Загремѣлъ побѣдный кличъ.
 Сила гордая—умѣнье,
 Взрывъ копытъ и звѣрій вой,
 Звонъ и свистъ, стрѣлы гудѣнье.
 И задорный общій бой.

Словно вѣтеръ серна вѣется,
 Какъ стрѣла летитъ джейранъ;
 Вепрь трущобный злобно бѣется,
 Обагрися кровью ранъ.
 И олень рога закинувъ
 Мчится вихремъ по скаламъ;
 Козы, робко лѣсъ покинувъ,
 Разметались по угламъ.
 Царь и Вождь рукою сильной
 Бьютъ, впередъ зорькій взглядъ;
 Горы дичи, ловъ обильный,
 Близокъ выигрышь—закладъ!

Ростеванъ и Вождь ужъ поле
 Обскакали все вокругъ,
 Нѣтъ бойцамъ простора болѣ;
 Нѣтъ облавы; конченъ кругъ.
 Опустили все колчаны,

Не хватило копій, стрѣль;
 Кровь вездѣ, зілють раны,
 Мѣста нѣтъ отъ звѣрихъ тѣль.
 И кончая бой и сѣчу,
 Кони выбились изъ силъ,
 И сѣзжаются на встрѣчу—
 Ростеванъ и Автандилъ.

Груды скаль, рѣка струится;
 Ключь сверкаетъ изъ земля;
 Царь и Вождь воды напиться,
 Отдохнуть, съ коней сошли.
 „Ну, побѣда-то за-мною!
 Царь съ улыбкою твердилъ.
 „Государь, гордитесь мною,
 Я сегодня побѣдилъ!
 Юный Вождь—Владыка старый,
 Завершивши спорный бой—
 Приютились въ тѣнь чинары—
 Жарко споря межъ собой.

Звукъ трубы и окликъ эха
 Разнесли въ горахъ сигналъ,
 Что кончается потѣха
 И зоветъ Царь на привалъ.
 Звукъ отвѣтный раскатился,
 Между горъ, издалека,
 И народъ со скаль спустился,
 Словно шумная рѣка.
 Вотъ, собираются толпами,
 Нетерпѣнїемъ горя,
 И съ открытыми главами
 Размѣстились вокругъ Царя.
 „Чья побѣда? вопрошаетъ
 Ростеванъ, скрывая смѣхъ;
 Старій ловчій поспѣшаетъ
 Отвѣчать ему за всѣхъ:

„Царь, величіемъ Вы властны,
 Вы, великій Царь-Царей,
 Ваши-жь стрѣлы не опасны
 Были нынче для звѣрей.
 Автандиль, рукой могучей,
 Мечеть быстро—сотни стрѣлъ;
 Вкругъ него ложились тучей
 Много сотенъ звѣрьихъ тѣлъ.
 Всѣхъ убитыхъ на облавъ
 Есть не меньше тысячъ двухъ;
 Въ этой рыцарской забавѣ
 Кровью весь затопленъ лугъ.
 Конья, стрѣлы Автандила
 Попадали въ цѣль всегда;
 Ваши мимо Царь и сила
 Пропадала безъ слѣда.
 Ни одной стрѣлы обратно
 Вождь не клалъ назадъ въ колчанъ;
 Ваши-жь стрѣлы безвозвратно
 Слуги прятали... въ карманъ.“
 Слушаль Царь хвалы герою:
 Отъ придворныхъ, войска, слугъ;
 Славной, рыцарской игрою
 Тѣша царскій свой досугъ.
 Радъ, Арабовъ Повелитель,
 За исходный спорный бой;
 Онъ, Вождя—бойца учитель—
 Ученикъ его герой!....
 И разгладились морщины,—
 Долгой жизни ореоль;
 Нѣтъ—слѣда былой кручины;
 Есть Преемникъ на Престолю! *)

*) Совершенно близко слѣдуя оригиналу поэмы, мы въ послѣднихъ 12-ти строфахъ, позволили себѣ воспроизвести небольшой вариантъ,

29/7A

окончательно схожий съ дальнѣйшимъ смысломъ послѣдующихъ главъ „Барсовой Кожи.“

Царь Ростеванъ ищетъ Наслѣдника на арабскій Престолъ и средне-вѣковая „Охота“, гдѣ Автандилъ явилъ себя бойцемъ и даже побѣдитъ богатыря-Ростевана, — является вродѣ законченною мыслью Руставели; но не въ фразѣ или въ отдельной картинкѣ, а въ цѣломъ, сложномъ и послѣдовательномъ рядѣ картинъ-поэмъ.

Евгеній Сталинскій.

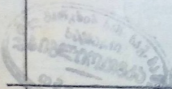
Еще нѣсколько словъ:

Благодаря память покойному и ученому Доктору Бастамову, за его литературный трудъ.

Живой привѣтъ Русскому переводчику А. Борену „Барсовой Кожи“, на Французскій языкъ.

Полнѣйшая благодарность г-ну А. Лейсту, за несравненное его участие въ нашемъ изданіи.

Е. Ст.

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

